

Современный мир. СПб., 1907. № 4. С. 48-81

Татьяна Александровна Богданович (Криль)

Аристократія и народъ наканунѣ французской революціи 1789 г.

Изучая исторію великой французской революціи, мы всегда встрѣчаемъ высшія сословія и народъ въ открытой непримиримой враждѣ между собой. Дѣйствительно, всѣ важнѣйшіе жизненные интересы этихъ двухъ социальныхъ группъ были настолько противоположны, что ни о какомъ компромиссѣ между ними не могло быть и рѣчи. Ихъ борьба должна была закончиться побѣдой одной и полнымъ уничтоженіемъ другой.

Между тѣмъ, если мы бросимъ взглядъ назадъ на событія, непосредственно предшествовавшія революціи, мы увидимъ совершенно иную картину. Народъ не только не ведетъ въ это время борьбы съ привилегированными, но, напротивъ, дѣятельно и энергично поддерживаетъ ихъ. Это странное на первый взглядъ явленіе объясняется очень просто. Разумѣется, социальные интересы этихъ двухъ группъ населенія не могли кореннымъ образомъ измѣниться въ короткій періодъ времени. За три года до революціи они были также противоположны, какъ и въ разгарѣ революціи. Но до начала революціи основной вопросъ, стоявшій передъ Франціей, былъ вопросъ объ уничтоженіи королевскаго абсолютизма, и передъ этой главкой цѣлью блѣднѣли и ступеньвались всѣ остальные. Произволъ королевскаго правительства былъ невыносимъ и для третьяго сословія, обнимавшаго всю націю, и для двухъ высшихъ привилегированныхъ сословій. Конечно, третье сословіе противопоставало королевскому произволу общенациональныя права, а аристократія—сословныя привилегіи. Но для даннаго момента это не имѣло существеннаго значенія. Вопросъ заключался въ томъ, чтобы сломить абсолютизмъ, а въ этомъ всѣ были согласны.

Конечно, старый порядокъ давилъ всю своей тяжестью на непривилегированную массу, давалъ большія льготы и преимущества въ экономической области высшимъ сословіямъ. Но ихъ политическія права онъ попиралъ также, какъ и права остальнаго народа. Кроме того, незадолго до революціи, правительство подъ влияніемъ повелительной необходимости, попыталось сократить и экономическія привилегіи высшихъ классовъ. Этому они уже, конечно, допустить не могли.

И вотъ, отстаивая съ одной стороны свои имущественныя привилегіи, а съ другой свои политическія права, они первые начинаютъ борьбу съ королевскимъ правительствомъ, являются какъ бы застрѣльщиками той революціи, которая встрѣтила въ нихъ вполнѣ достойныхъ враговъ.

Съ начала царствованія Людовика XVI положеніе дѣлъ во Франціи все болѣе и болѣе запутывалось. У правительства не хватало денегъ не только на растущую придворную роскошь, но и на необходимыя расходы управленія. Между тѣмъ увеличить доходы при существующемъ положеніи вешей не было никакой возможности. Непривилегированные классы населенія платить больше не могли, привилегированные не хотѣли. Кредитъ былъ исчерпанъ. Приходилось принимать какія нибудь экстренныя мѣры для выхода изъ затрудненія. Послѣдовательные планы реформъ, предлагавшіеся Людовику XVI его министрами, сначала Тюрго потомъ Неккеромъ, не были приняты имъ. Дефицитъ все росъ и къ половинѣ восьмидесятихъ годовъ достигъ такихъ размѣровъ, что государству угрожало банкротство. При этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ министръ финансовъ Калоннъ предложилъ королю созвать собраніе нотаблей, т. е. знатнѣйшихъ особъ королевства и, представивъ имъ критическое положеніе правительства, просить ихъ совѣта и помощи. Людовикъ XVI долго колебался, но наконецъ далъ свое согласіе. 29 декабря 1786 г. было объявлено о созывѣ собранія нотаблей на 29 января близжащаго года. Одновременно съ этимъ были опубликованы общія данныя относительно состоянія государственныхъ финансовъ. Особенно сильно впечатлѣние произвело на всѣхъ второе сообщеніе. „Нельзя описать, — говоритъ Рабо Сентъ Эгень, — изумленія націи и ея негодованія при этомъ невѣроятномъ извѣстіи“. Никто не представлялъ себѣ, чтобы финансы могли дойти до такого безнадежнаго состоянія. Но самый составъ собранія, которому предстояло найти выходъ изъ этого затрудненія, не возбуждалъ никакого довѣрія. Оно должно было состоять изъ ста членовъ, четырехъ членовъ, назначенныхъ королемъ отъ дворянства, духовенства, третьяго сословія и высшихъ учреждений королевства. Но разныя группы, входившія въ него, были представлены крайне неравномерно. Кроме принцевъ крови, знатнѣйшихъ дворянъ и церковныхъ прелатовъ (77), наибольшее число членовъ дали парламенты (37) и предсѣдатели городскихъ управленій (26). Предсѣдатели городскихъ управленій, назначавшіеся правительствомъ, но большей части принадлежали по происхожденію къ высшему дворянству или получали дворянство по службѣ; члены же парламентовъ, если и по всегда принадлежали къ дворянству, то во всякомъ случаѣ пользовались тѣми же привилегіями по своему званію. Такимъ образомъ собственно непривилегированныя сословія были представлены только нѣсколькими депутатами отъ государственныхъ провинцій.

Отъ этого собранія привилегированныхъ особъ правительство ожидало помощи. Въ то же время оно считало, что можетъ не опасаться ихъ критики. Дѣйствительно, привилегированныя сословія меньше всѣхъ имѣли основаній для неудовольствія противъ правительства. Денежныя затрудненія, испытывавшіяся страной, въ значительной степени зависѣли отъ того, что они не несли на себѣ никакой доли податнаго бремени. Но правительство дважды обманулось въ своихъ ожиданіяхъ. Съ одной стороны нотабли вовсе не склонны были вырывать правительство, обременяя самихъ себя, съ другой, они именно сочли себя призванными потребовать у правительства отчета въ веденіи государственнаго хозяйства.

Съ начала XVIII вѣка во Франціи не было ни тѣни представительныхъ учреждений. Все государственное управленіе сосредоточилось въ рукахъ королевскаго правительства. Нація была совершенно устранена отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Собраніе нотаблей явилось первымъ слабымъ намекомъ на вмѣшательство населенія въ правительственную дѣятельность. Какъ бы то ни было эти нотабли были не чиновники. И они прежде всего и всего ярче почувствовали эту свою особенность, противоположавшую ихъ правительству. Какъ привилегированные, они извлекали большія выгоды изъ стараго порядка, но какъ часть націи они были тоже лишены правительствомъ естественнаго права націи участвовать въ управленіи собственными дѣлами. Собранные впервые, чтобы высказать свое мнѣніе объ общегосударственныхъ дѣлахъ, они сразу стали въ оппозицію правительству и вовсе не смѣли оказать ему помощь и поддержку. Наблюдательные современники тотчасъ же поняли, какое значеніе можетъ имѣть этотъ первый шагъ правительства навстрѣчу обществу. „Въ пятницу 29 декабря 1786 года, — пишетъ Бальи въ своихъ воспоминаніяхъ, — я обѣдалъ у маршала де Бово; въ этотъ моментъ впервые дошло до меня извѣстіе о собраніи нотаблей. Я былъ пораженъ. Я предвидѣлъ великое событіе, измѣненіе въ положеніи вещей и даже въ формѣ правленія... Это собраніе полуторасотъ гражданъ всѣхъ классовъ, и самыхъ знатныхъ, занявшихъ наиболѣе важными государственными дѣлами, не могло не внести въ нихъ крупнаго преобразованія... Созванное, чтобы высказать свое мнѣніе объ управленіи королевствомъ, оно должно было сосредоточить на этомъ вопросѣ всѣ умы и привлечь къ нему вниманіе всей націи. Въ то же время, когда послѣ долгаго сна или, лучше сказать, послѣ отсутствія, человекъ займется собственными дѣлами, которыми онъ найдетъ въ большомъ разстройствѣ, ему трудно позабыть, что онъ имѣетъ право внести въ нихъ порядокъ. Итакъ, я предвидѣлъ не революцію, но переизмѣну, которая, какова бы она не была, должна была послужить на пользу націи“.

Засѣданія нотаблей затянулись съ конца февраля по конецъ мая и не дали никакихъ благоприятныхъ для правительства результатовъ.

Нотабли вовсе не желали обсуждать того единственнаго вопроса, рассмотреть который предлагало имъ правительство. „Я всегда думалъ, — сказалъ на одномъ изъ засѣданій Лафайетъ, — что предосторожности противъ будущаго дефицита должны предшествовать мѣрамъ къ исполненію настоящаго дефицита“. Сообразно съ этимъ нотабли сосредоточили все свое вниманіе на обсужденіи причинъ дефицита и неотложныхъ реформъ въ управленіи. Они требовали опубликованія финансовыхъ отчетовъ и смѣтъ, учрежденія особаго комитета изъ представителей общества при министерствѣ финансовъ, словомъ, требовали если не участія, то во всякомъ случаѣ контроля общества надъ государственнымъ управленіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они совершенно не желали вникнуть въ тяжелое положеніе правительства и оказать ему какую нибудь поддержку.

Вступая такимъ образомъ на путь оппозиціи правительству, нотабли дѣйствовали отчасти во имя своихъ узко групповыхъ интересовъ, не желая обременять себя налогами, а отчасти во имя своихъ общечеловѣческихъ правъ, поправныхъ деспотическимъ правительствомъ. И поскольку они боролись за эти права, они дѣйствовали въ направленіи революціонномъ, затрудняя и безъ того трудное положеніе правительства и подготавливая его гибель.

25 мая 1787 года правительство, наскучивъ бесплодными препирательствами съ нотаблями, распустило ихъ, не получивъ отъ нихъ ни малѣйшей поддержки. Теперь ему оставалось только самому изыскивать новые источники дохода для покрытія дефицита. Этими источниками могли быть только новые налоги. Правительство рѣшило немедленно же ввести два новыхъ налога — гербовый сборъ и поземельную подать, лежащую на всѣхъ земляхъ безъ изъятія, въ томъ числѣ и на земляхъ привилегированныхъ. Но и тутъ правительству пришлось натолкнуться на новое препятствіе въ лицѣ парижскаго парламента.

Съ того времени, какъ генеральные штаты перестали созываться во Франціи, парламенты присвоили себѣ до нѣкоторой степени законодательныя функціи. Произошло это очень постепенно. Въ прежнія времена парламенты представляли собой исключительно высшія судебныя учрежденія. Всѣ новые законы и указы правительства сообщались имъ въ свѣдѣнію и для руководства. Эти законы и указы парламентами вносились въ особые списки или реестры, что замѣняло опубликованіе ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Въ періоды ослабленія королевской власти парламентъ пользовался этимъ и, вмѣсто того чтобы просто заносить сообщаемыя ему правительственными распоряженіями въ списки, входилъ въ обсужденіе ихъ по существу и высказывалъ свои замѣчанія. Позднѣе онъ сталъ дѣлать по поводу ихъ представленія верховной власти, требуя пересмотра тѣхъ или другихъ узаконеній и даже иногда совсѣмъ отказываясь отъ регистраціи ихъ. Съ теченіемъ времени эти приобретенные парламентами права до такой степени укрѣпились за

ними, что регистрація законовъ изъ простой формальности превратилась въ необходимую санкцію. Положимъ, правительство имѣло тоже свое оружіе противъ парламента. Въ крайнихъ случаяхъ устраивались торжественныя засѣданія подъ предсѣдательствомъ короля (*lits de justice*) на которыхъ король могъ принудить парламентъ зарегистрировать тотъ или другой законъ. Но во всякомъ случаѣ парламентъ имѣлъ возможность сильно тормозить законодательную дѣятельность правительства.

Черезъ мѣсяцъ послѣ роспуска собранія нотаблей, первый министръ Бриеннъ, смѣнившій уже впаваго въ немилость Калонна, внесъ въ парижскій парламентъ указы о гербовомъ сборѣ и о земельной подати. Парламентъ немедленно приступилъ къ преніямъ по поводу этихъ указовъ, слѣдуя по пути, проложенному нотаблями. „Указъ о гербовомъ сборѣ, — говоритъ одинъ изъ членовъ парламента Салье, — подалъ поводъ къ такимъ же рѣчамъ, къ такимъ же патетическимъ возгласамъ по поводу злоупотребленій министерства, расточительности двора и бѣдствій народа. Существованіе дефицита тоже подверглось сомнѣніямъ и въ заключеніе были потребованы отчеты о состояніи государственныхъ финансовъ“.

На это требованіе министерство отвѣтило отказомъ, основываясь на томъ, что провѣрка балансовъ не входитъ въ кругъ обязанностей парламента, а къ концу года финансовые отчеты будутъ опубликованы во всеобщее свѣдѣніе.

Этотъ отвѣтъ правительства былъ доложенъ парламенту въ слѣдующемъ засѣданіи 16-го іюля 1787 г. Но парламентъ не уступалъ. Члены парижскаго парламента въ большинствѣ случаевъ принадлежали къ дворянскому сословію а поэтому всеобщая подать, которую желало ввести правительство самымъ существеннымъ образомъ затрогивала ихъ карманные интересы. До тѣхъ поръ они въ качествѣ привилегированныхъ были избавлены отъ всѣхъ податей. Но это было не единственнымъ мотивомъ, заставлявшимъ ихъ противодействовать видамъ правительства. Новыя идеи, идеи политической свободы и гражданскихъ правъ народа проникали и въ замкнутую среду судебного вѣдомства. Растущій произволъ правительства возмущалъ ихъ тѣмъ болѣе, что они считали парламентъ единственнымъ учрежденіемъ независимымъ отъ королевской власти и до нѣкоторой степени ограничивающимъ ея права. Не забудемъ, что члены парламента не могли ни смѣшаться, ни назначаться правительствомъ, они покупали свои должности и считали ихъ своей неотъемлемой собственностью.

Во время преній по поводу предложенныхъ правительствомъ наказовъ, одинъ изъ членовъ парламента, аббатъ Сабатье, произнесъ, знаменитую фразу „*Ce ne sont pas les états de finance qui 'il nous faut, messieurs, ce sont les Etats Généraux!*“ (Намъ нужны не финансовые отчеты, господа, а Генеральные Штаты!). Это слово, которое

уже носилось въ воздухѣ, которое воплощало въ себѣ мечты всѣхъ недовольныхъ существующимъ строемъ, впервые было произнесено официально на засѣданіи Парижскаго парламента 16 іюня 1787 г.

Парламентъ немедленно схватился за эту мысль. Въ томъ же засѣданіи былъ вотированъ адресъ королю по поводу налоговъ, въ которомъ мы читаемъ слѣдующія слова: „Только нація, собранная въ Генеральные Штаты, можетъ дать необходимое согласіе на постоянный налогъ. Парламентъ не имѣетъ права ни отказывать въ этомъ согласіи, ни, еще менѣе, давать его, когда ничто не доказываетъ его необходимость. Уполномоченный государемъ сообщать его волю народу, онъ никогда не былъ уполномоченъ этимъ послѣднимъ замѣнять его“.

Впечатлѣніе отъ этого заявленія парламента было громадное. Начавъ борьбу съ правительствомъ во имя своихъ сословныхъ и корпоративныхъ интересовъ, парламентъ, выдвигувъ это требованіе, сразу становится во главѣ всей оппозиціи. Онъ первый произнесъ слово, которое сразу стало лозунгомъ революціоннаго движенія. Теперь вся борьба съ правительствомъ, на всемъ пространствѣ Франціи приобрѣла одну ясную опредѣленную цѣль. Она стала борьбой за Генеральные Штаты. Положимъ, пустивъ въ обращеніе это слово, парламентъ не опредѣлялъ точнѣе, какое содержаніе онъ въ него вкладываетъ. И мы увидимъ впоследствии, къ какимъ разочарованіямъ это повело. Но для данной минуты важны были не детали, а самый фактъ. Генеральные Штаты были синонимомъ конца произвола, начала участія націи въ дѣлахъ управленія. Этого было достаточно, чтобы объединить вокругъ парламента все, что было живого и революціонно настроеннаго во французскомъ народѣ.

Но правительство еще вовсе не намѣрено было уступать. Оно отвѣтило только по поводу налоговъ, обѣщая нѣкоторыя частныя измѣненія и требуя немедленной регистраціи указовъ. О Генеральныхъ Штатахъ оно не упоминало ни словомъ.

30-го іюля состоялось новое, еще болѣе бурное засѣданіе парламента, на которомъ было подтверждено въ категорической формѣ прежнее постановленіе парламента.

„При современномъ тяжкомъ положеніи государственныхъ финансовъ, — говорилось въ новомъ постановленіи, — палата проникнута желаніемъ доказать королю свое усердіе и покорность и сохранить права націи и общественное достояніе, лишенная свѣдѣній, о которыхъ она тщетно умоляла, принужденная послѣ пятилѣтняго мира обсуждать разорительные налоги, необходимость которыхъ не доказана и соотвѣтствіе потребностямъ государства не установлено; въ виду этого, палата, принимая во вниманіе, что только нація, представленная Генеральными Штатами имѣетъ право оказывать королю пособіе, необходимость котораго будетъ доказана съ очевидностью, — настаиваетъ“.

ваетъ на своемъ постановленіи отъ 16-го числа и рѣшается почти-тельно умолять его величество короля снизить къ пожеланію, выра-женному въ сказанномъ постановленіи и созвать Генеральные Штаты его королевства“.

Несмотря на мягкую форму, парламентъ рѣшительно и катего-рически отказывался отъ регистраціи королевскихъ указовъ о нало-гахъ и не только данныхъ двухъ, но вообще какихъ бы то ни было впредь до созыва Генеральныхъ Штатовъ. Правительству приходилось или уступить, или рѣшиться на послѣднее средство, принудить пар-ламентъ силой къ подчиненію. Бриеннъ избралъ второй путь. 5 авгу-ста члены парламента получили приказаніе собраться на другой день въ Версаль на королевское засѣданіе. Въ тотъ же день вечеромъ они устроили предварительное совѣщаніе и выработали планъ дѣйствій на завтра. Въ Версаль, въ присутствіи короля первый президентъ Адигръ сказалъ торжественную рѣчь, въ которой онъ еще разъ при-велъ всѣ аргументы, на основаніи которыхъ парламентъ не считаетъ возможнымъ регистрировать королевскіе указы. „Основной прин-ципъ французской монархіи,—заявляетъ онъ,—заключается въ томъ, чтобы налоги вводились съ согласія тѣхъ, на кого они возлагаются, сердце великодушнаго короля не можетъ допустить измѣненія этого принципа, связаннаго съ основными законами королевства, съ тѣми, которые обуславливаютъ его власть и обезпечиваютъ повиновеніе“.

„Именно поэтому парламентъ требуетъ созыва Генеральныхъ Штатовъ ради поддержанія авторитета короля, ради славы его цар-ствованія и ради возстановленія его финансовъ“.

Король спокойно выслушалъ эту рѣчь, закончившуюся страст-нымъ требованіемъ Генеральныхъ Штатовъ, и приказалъ приступить къ регистраціи указовъ.

Вернувшись въ Парижъ, парламентъ на первомъ же засѣданіи объявилъ незаконной и недѣйствительной принудительную регистра-цію указовъ.

Правительство между тѣмъ пыталось отвлечь общественное вни-маніе отъ парламента и показать, что оно тоже стремится идти на-встрѣчу общимъ желаніямъ. Безумная роскошь, господствовавшая при дворѣ французскихъ королей, уже давно раздражала парижское насе-леніе. Въ разгаръ борьбы съ парламентомъ Бриеннъ задумалъ подку-пить общественное мнѣніе, доказавъ, что высшія особы королевства первыя подаютъ примѣръ самопожертвованія и въ виду обществен-наго бѣдствія не останавливаются передъ личными льщеніями. 9 іюля появился королевскій указъ, которымъ придворные расходы сокращались на цѣлый милліонъ. Сама Марія Антуанета уменьшила на половину число своихъ лошадей. Многочисленные принцы лиши-лись части сверхсмѣтныхъ ассигновокъ на загородные дворцы и со-колинныя охоты. При дворѣ это вызвало большое неудовольствіе.

„Ужасно,—говорили придворные,—жить въ странѣ, гдѣ нельзя быть увѣреннымъ, что сохранишь завтра то, чѣмъ владѣлъ вчера: это воз-можно только въ Турціи“.

Подъ сѣнью этого популярнаго, по мнѣнію Бриенна, указа, должны были незамѣтно пройти два спорныхъ указа о налогахъ. Но общественное мнѣніе отнеслось къ этому иначе. Указъ о придворныхъ урѣзкахъ оно встрѣтило насмѣшками, а парламентъ, объявившій указы о налогахъ незаконными, привѣтствовало бурными оваціями.

Одинъ маленькій фактъ даетъ любопытную черточку обществен-наго настроенія того момента. Правительственные указы, послѣ ихъ регистраціи парламентомъ, печатались въ королевской типографіи и вручались казеннымъ разносчикамъ, которые, бѣгая по улицамъ Па-рижа, громко выкрикивали ихъ названія. Когда были напечатаны указы о налогахъ, они были тоже вручены разносчикамъ для распро-страненія. Но на этотъ разъ казенные газетчики оказались тоже за-раженными оппозиціоннымъ духомъ. Бѣгая по городу, они вмѣсто того, чтобы громко выкрикивать названія новыхъ указовъ, произно-сили ихъ шопотомъ, подчеркивая, что они тоже не считаютъ ихъ вполне законными и еще болѣе возбуждая всеобщее любопытство. „Трудно сказать,—говоритъ Салье, очевидецъ всѣхъ этихъ событій,—кто былъ болѣе возбужденъ, члены парламента или публика. Каждое засѣданіе поднимало на градусъ жаръ убѣжденій и страстность рѣчей... Во время этихъ преній залы парламента были переполнены гражда-нами всѣхъ классовъ общества... Каждый день толпа ждала у дверей большой залы конца засѣданій, чтобы узнать ихъ результаты“. Осо-бенно сильное возбужденіе царило въ зданіи парламента и вокругъ него 13-го іюня. Въ этотъ день парламентъ долженъ былъ дать свое официальное заключеніе по поводу опубликованныхъ уже указовъ. Публика съ тревогою ожидала, не поколеблется ли парламентъ, въ виду слуховъ о готовившихся въ отношеніи его мѣрахъ строгости. Но парламентъ твердо стоялъ на своемъ. По окончаніи засѣданія двери большой залы распахнулись настежь и по приказанію прези-дента секретарь прочелъ вслухъ послѣднее постановленіе, снова объ-являвшее королевскіе указы незаконными и требовавшее созыва Ге-неральныхъ Штатовъ. По окончаніи чтенія поднялась цѣлая буря криковъ и апплодисментовъ. Членовъ парламента осыпали привѣт-ствіями, по адресу правительства раздавались угрозы и оскорбленія. „Какъ только появился д'Эпермениль, одинъ изъ любимыхъ парла-ментскихъ ораторовъ, его подхватили, подняли надъ головами толпы и на рукахъ вынесли до экипажа. Послѣдователи его мужества раз-дѣлили его славу. Храмъ справедливости,—прибавляетъ Салье, не раздѣлявшій всѣхъ этихъ увлеченій,—незамѣтно превращался въ очагъ революціи“.

Этотъ день окончательно раздражилъ правительство и 14-го

всѣ члены парламента получили приказъ немедленно выѣхать въ Труа.

Парламентъ выѣхалъ, но возбужденіе въ Парижѣ не прекращалось. Правительству необходимо было добиться регистраціи спорныхъ указовъ какимъ-нибудь судебнымъ учрежденіемъ Парижа. За отсутствіемъ парламента высшими судебными учреждениями столицы являлись Податная и Счетная Палаты. Братья короля, графъ Прованскій и графъ Артуа были посланы туда въ одинъ и тотъ же день требовать регистраціи. Но обѣ палаты отвѣтили только постановленіемъ о незаконности принудительной регистраціи и требованіемъ созыва Генеральныхъ Штатовъ.

Провинція тоже не отставала отъ Парижа. Одинъ за другимъ парламенты Валансена, Бордо, Безансона, Рейна и Гренобля отказывались регистрировать юньскіе указы, сопровождая этотъ отказъ болѣе или менѣе рѣшительнымъ требованіемъ Генеральныхъ Штатовъ.

Правительство находилось въ большомъ затрудненіи. Деньги были нужны все болѣе и болѣе, а между тѣмъ ввести фактически новые налоги, не добившись регистраціи, было опасно. Незаконность указовъ давала главнымъ образомъ оружіе именно тѣмъ привилегированнымъ, на которыхъ правительство рассчитывало распространить ихъ. Приходилось искать какихъ-нибудь путей соглашенія съ парижскимъ парламентомъ. Бріеннъ рѣшилъ пойти на уступки, онъ предложилъ взять назадъ указъ о поземельной годати, а взамѣнъ—ее продолжить срокъ взиманія прежней двадцатины, распространивъ ее на земли духовенства. Парламентъ, порядкомъ скучавшій въ Труа, сдался на это предложеніе и, зарегистровавъ новый указъ, 24-го сентября вернулся въ Парижъ гдѣ былъ встрѣченъ шумными изъявленіями восторга.

Но этимъ путемъ финансовый вопросъ далеко еще не былъ рѣшенъ. Будущій годъ грозилъ такимъ же, если не большимъ дефицитомъ. Чтобы покрыть его, былъ необходимъ заемъ. Для займа же добровольная регистрація парламента еще болѣе необходима, чѣмъ для налога, такъ какъ только она можетъ гарантировать въ глазахъ капиталистовъ кредитъ правительства.

Предстояла новая почти безнадежная для правительства борьба. Надо было во что бы то ни стало обезпечить себѣ согласіе парламента. Послѣ долгихъ колебаній правительство остановилось наконецъ на одномъ планѣ. Салье увѣряетъ, что инициатива этого плана исходила будто бы отъ д'Энрменіля, желавшаго загладить свои прежніе грѣхи. Какъ бы то ни было, правительство рѣшило, наконецъ, исполнить общее желаніе, общать генеральные штаты, но... черезъ пять лѣтъ и подъ тѣмъ условіемъ, что въ теченіе ближайшихъ лѣтъ оно имѣетъ право заключить займы на огромную сумму въ 120 милліоновъ. Такое неопредѣленное обѣщаніе въ сущности ни къ чему его не обязывало, а между тѣмъ оно на цѣлыхъ пять лѣтъ избавлялось отъ всякихъ фи-

нансовыхъ затрудненій и могло удовлетворять всѣ свои аппетиты. Большаго ему и не нужно было. Мишле утверждаетъ, что Бріеннъ—именно съ такой откровенностью и ставилъ этотъ вопросъ. „Разстроенному королю и королевѣ онъ говорилъ, что воспользовавшись деньгами, можно будетъ при желаніи и позабыть свое обѣщаніе и смѣтря по обстоятельствамъ созвать или нѣтъ генеральные штаты“.

Парламентъ получилъ извѣщеніе, что 19-го ноября 1787 г. Его Величество прибудетъ на засѣданье парламента. Еще не было восьми часовъ, какъ король со своей свитой торопливо прослѣдовалъ въ зданіе парламента.

Безъ всякаго сомнѣнія это засѣданіе имѣло очень большое значеніе для правительства. Оно должно было покончить борьбу съ парламентомъ, дать ему требуемую уступку и взамѣнъ получить почти неограниченный кредитъ. Но, увлеченное борьбой, правительство не сумѣло взять надлежащаго тона и въ значительной степени само испортило себѣ всю игру.

Вступительная рѣчь короля дышала раздраженіемъ. Упрекнувъ парламентъ за его неповиновеніе, король говорилъ: „Принципы, которые я хочу вамъ напомнить, касаются самой сущности монархіи и я не допущу, чтобы они были измѣнены или не соблюдены.—Меня не нужно было умолять о созывѣ нотаблей моего королевства. Я никогда не побояюсь находиться среди моихъ подданныхъ. Но только я одинъ могу судить о пользѣ и необходимости этихъ собраній, и я никогда не потерплю, чтобы отъ меня нескромно требовали того, что должны ждать отъ моей мудрости и моей любви къ народу“. Во всей рѣчи не было сказано ни слова о Генеральныхъ Штатахъ. Велѣдъ за королевемъ произнесъ длинную рѣчь хранитель печати Ламуаньонъ. Онъ развилъ весь правительственный проектъ, называя его планомъ возстановленія финансовъ, рассчитаннымъ на пять лѣтъ. Только въ самомъ концѣ было упомянуто, что до истечения этого срока король имѣетъ ввиду созвать Генеральные Штаты своего королевства, для того чтобы, по его словамъ „съ чувствомъ удовлетворенія сообщить имъ, что порядокъ въ области финансовъ возстановленъ!“

Впечатлѣніе отъ этихъ официальныхъ рѣчей было удручающее. Изъ членовъ парламента первымъ говорилъ старикъ Робертъ Сень-Винцентъ. „Еслибы Ваше Величество,—говорилъ онъ,—принесли въ парламентъ законы, служащіе для облегченія народа, развѣ двери этого дворца были бы заперты? развѣ входъ въ него былъ бы запрещенъ гражданамъ? Развѣ выѣздъ Вашего Величества былъ бы превращенъ въ поспѣшное бѣгство? О, почему мы принуждены опасаться, чтобы Ваше Величество не замѣтили на лицахъ всѣхъ вмѣсто единодушнаго восторга—тревогу и огорченъ?. Лекарство отъ страданій государства,—продолжалъ онъ,—было указано вашимъ парламентомъ, это созывъ Генеральныхъ Штатовъ. Этотъ созывъ, чтобы быть полезнымъ дол-

женъ состояться быстро. Если замедлить, страданія усилятся и леченье станетъ затруднительнымъ. Ваше Величество объявляете, что Генеральные Штаты будутъ созваны въ 1792 году. Для чего эта отстрочка? Неужели беспорядокъ въ финансахъ еще недостаточно великъ? Неужели необходимо прибавить еще долгъ въ пятьсотъ милліоновъ? Правда вотъ въ чемъ. Ваши министры хотятъ избѣжать Генеральныхъ Штатовъ, надзора которыхъ они боятся. Но ихъ надежды тщетны; потребности государства заставятъ созвать ихъ до истеченія двухъ лѣтъ“.

Возражали и еще многіе. въ томъ числѣ и д'Энвермениль, но по окончаніи преній король не разрѣшилъ даже баллотировать вопросъ.

„Я выслушалъ ваши мнѣнія, — сказалъ онъ, — и нахожу, что необходимо утвердить займы, предложенные въ моемъ указѣ. Я обѣщаль созвать Генеральные Штаты до истеченія 1792 года, моего слова должно быть достаточно для васъ. Я приказываю зарегистрировать указъ“.

Въ залѣ пробѣжалъ ропотъ неудовольствія, и герцогъ Орлеанскій поднялся, требуя, чтобы въ постановленіи было упомянуто, что указъ регистрируется по настоятельному приказанію Его Величества. Король, видимо, смутился и пробормоталъ: „Мнѣ все равно... Это ваше дѣло... а все-таки это законно, потому что я этого хочу“.

Указъ былъ тутъ же зарегистрированъ, и король со своей свитой успѣшно удался. Парламентъ не разошелся. По требованію наибольшаго горячихъ изъ своихъ членовъ, между прочимъ аббата Сабатье онъ продолжалъ засѣданіе и вынесъ резолюцію, объявляющую регистрацію указа о займахъ незаконной.

На этотъ разъ это уже было форменное объявленіе войны не только министерству, но самому королю, который лично приказалъ зарегистрировать указъ и объявилъ эту регистрацію законной, такъ какъ такова его воля.

На другой же день герцогъ Орлеанскій былъ высланъ въ Виллерс-Котере, а два члена парламента аббатъ Сабатье и Фрето де Сенъ Жюсть арестованы на основаніи арестныхъ бланковъ (lettres de cachets) и заключены въ тюрьму.

Этотъ новый актъ производа правительства далъ поводъ парламенту поднять тоже близкій всему народу вопросъ объ арестныхъ бланкахъ. Требуя возвращенія свободы герцогу Орлеанскому и двумъ соотаварищамъ, парламентъ защищалъ права каждаго французскаго гражданина. Онъ отстаивалъ неприкосновенность личности, это естественное право человѣка. „Вашъ парламентъ, — заявляли они, — говорить во имя закона и разума не о принцѣ вашей крови и не о двухъ членахъ парламента, онъ говоритъ о трехъ французахъ, о трехъ людяхъ“.

Поставленный такъ вопросъ естественно задѣлвалъ каждаго и

поддерживалъ въ обществѣ сочувствіе къ парламенту. А между тѣмъ внутри самого парламента пока еще незамѣтно назрѣвало и росло теченіе, которое должно было въ близкомъ будущемъ дать совершенно неожиданный для всѣхъ, хотя и вполне естественный результатъ.

Въ основѣ ожесточенной борьбы парламента съ правительствомъ во имя правъ націи даже въ этой ея первоначальной идеалистической стадіи лежали все же чисто эгонистическіе матеріальные интересы, которые должны были раньше или позже выступить на первый планъ. Теперь они только изрѣдка давали себя чувствовать и старательно затушевывались отъ глазъ посторонней публики. Члены парламента возражали противъ новаго налога какъ будто бы исключительно потому, что правительство не имѣетъ права вводить налоги безъ согласія націи, въ дѣйствительности же, главная причина ихъ негодованія противъ новаго налога заключалась въ томъ, что онъ не допускалъ изъятій въ пользу привилегированныхъ. Идя дальше, они ухитрялись даже отстаивать съ точки зрѣнія высшей справедливости слѣдующее трудно защитимое положеніе: при опредѣленіи доходности имущества, съ котораго взимается налогъ, правительство должно основываться исключительно на показаніи самого владѣльца и не имѣетъ права ни въ какомъ случаѣ провѣрять его. Вотъ какъ развивалъ эту странную теорію одинъ изъ видныхъ членовъ парламентской оппозиціи: „Всякій собственникъ, говорилъ онъ, — имѣетъ право устанавливать налоги или самъ, или черезъ своихъ представителей. Если онъ не пользуется этимъ правомъ въ составѣ всей націи, онъ долженъ возмѣщать это право лично. Иначе онъ перестаетъ быть хозяиномъ своего имущества, спокойнымъ собственникомъ. Единственный способъ сдѣлать налоги законными, это обратиться къ націи. За отсутствіемъ этого, единственный способъ сдѣлать ихъ выносимыми — это выслушивать отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ, довѣріе къ показаніямъ собственника является по меньшей мѣрѣ подобіемъ, тѣмъ, возмѣщеніемъ національнаго права“. Путемъ такой оригинальной логики мошенничества дворянъ, скрывавшихъ свои истинные доходы, ставились подъ защиту высшей справедливости, признающей за націей въ ея цѣломъ право на самообложеніе. Но еще не пришелъ моментъ преодолевать дворянскіе интересы интересамъ другихъ сословій, теперь вопросъ шелъ только о защитѣ ихъ отъ посягательствъ правительства, и дворянскія права могли смѣло фигурировать какъ часть нераздѣльныхъ общенациональныхъ правъ.

Эта сомнительная теорія въ защиту дворянскихъ аппетитовъ прошла въ тотъ моментъ совершенно незамѣченной. Иначе и быть не могло. Центръ тяжести текущихъ событій лежалъ въ борьбѣ съ правительствомъ, а въ этой борьбѣ парламентъ смѣло шелъ впереди всей оппозиціи. Какъ разъ въ тѣ дни когда парламентъ подъ шумокъ высказывалъ свои завѣтные желанія, на авансценѣ разыгрывались

крупныя событія. Правительство, отчаявшись сломить парламентскую оппозицію, задумало однимъ ударомъ покончить съ самими парламентами.

Долго и таинственно выработывался въ министерскихъ кабинетахъ проектъ обузданія парламентовъ. Въ обществѣ о немъ ходили смутныя и противорѣчивыя слухи. Наконецъ, проектъ былъ готовъ и съ всякими предосторожностями переданъ въ казенную типографію для напечатанія. Типографія охранялась цѣлымъ взводомъ солдатъ, и рабочіе не выпускались изъ мастерскихъ. Тѣмъ не менѣе д'Эперменилю удалось заранѣе подкупить одного изъ рабочихъ, и онъ въ комкѣ глины выкинулъ изъ окна первый оттискъ знаменитаго проекта.

Съ драгоценной добычей д'Эпермениль помчался въ парламентъ и потребовалъ созыва экстреннаго засѣданія. Члены парламента немедленно явились, и новый законопроектъ былъ оглашенъ. Оказалось, что правительство рѣшило впредь оставить за парламентами исключительно судебныя функціи. Право регистраціи законовъ отбиралось у нихъ и передавалось въ особую Общую палату (Cour plénière), составленную частью изъ старѣйшихъ членовъ парламентовъ, частью же изъ назначенныхъ королемъ высшихъ чиновъ управления, съ такимъ расчетомъ, чтобы на сторонѣ послѣднихъ всегда оказывалось большинство.

Прочитавъ этотъ убійственный проектъ, д'Эпермениль произнесъ страстную рѣчь, призывая членовъ парламента поклясться, что они не допустятъ никакихъ нововведеній и не примутъ участія ни въ какихъ учрежденіяхъ, созданныхъ на развалинахъ парламента. Предложеніе его было единодушно принято, и клятва принесена.

Но д'Эпермениль не ограничился этимъ. Онъ предложилъ парламенту приготовленную имъ заранѣе *Декларацию правъ*.

Протестуя противъ теоріи единой воли короля, управляющей Франціей по мнѣнію министровъ, палата заявляла, что „Франція есть монархія, управляемая королемъ на основаніи законовъ; что основныя изъ этихъ законовъ освѣщаютъ право націи свободно утверждать законы при посредствѣ Генеральныхъ Штатовъ, правильно созываемыхъ и составляемыхъ... несмѣняемость судей. право каждаго гражданина судиться своими естественными судьями, и право, безъ котораго въ другія бесполезны, быть немедленно по задержаніи, по чьему бы ни казу оно ни состояло, быть переданнымъ въ руки обычныхъ судей“

Декларация была принята единогласно.

Такимъ образомъ, ровно за годъ до созыва Генеральныхъ Штатовъ, парижскій парламентъ первый созналъ необходимость деклараціи правъ гражданина; ему принадлежитъ зародышъ знаменитой деклараціи, которую національное собраніе предпослало новой конституціи.

„Для вашего парламента, государь, — такъ заканчивалось постановленіе 3-го мая, — его принципы или, лучше сказать, принципы го-

сударства, неприкосновенны. Не въ его власти измѣнить свое поведеніе. Бываютъ случаи, когда члены парламента вынуждены принести себя въ жертву законамъ; но таково ихъ почетное и опасное положеніе, что они должны перестать жить, раньше чѣмъ нація перестанетъ быть свободной“.

Въ Версалѣ это постановленіе вызвало страшный переполохъ. Было рѣшено немедленно арестовать зачинщиковъ, — д'Эпермениля и Гуалара де-Монзабера. Какимъ образомъ это рѣшеніе стало извѣстно, осталось тайной, во всякомъ случаѣ и д'Эпермениль, и Монзаберъ были предупреждены, и ночью же спаслись изъ своихъ квартиръ въ парламентъ.

Рано утромъ 4-го мая началось знаменитое тридцатичасовое засѣданіе парламента. Д'Эпермениль и Монзаберъ доложили о неудавшемся покушеніи на ихъ личную неприкосновенность; парламентъ постановилъ отправить въ Версалѣ торжественную депутацію и дожидаться ея возвращенія. Какъ только депутація удалась, въ парламентъ явился офицеръ французской гвардіи, маркизь д'Агу. Потребовавъ допущенія въ залъ засѣданій, маркизь д'Агу заявилъ, что онъ является по приказу короля арестовать двухъ членовъ парламента, д'Эпермениля и Монзабера и попросилъ предсѣдателя указать ему ихъ. Собраніе заволновалось. „Мы все д'Эперменили и Монзаберы, — раздались крики, — арестуйте насъ всехъ“. Предсѣдатель категорически отказался исполнить требованіе майора и, послѣ долгихъ препирательствъ, тому пришлось удалиться ни съ чѣмъ. Но и депутація вернулась изъ Версаля тоже ни съ чѣмъ. Парламентъ попытался отправить новую, но оказалось, что все входы заняты солдатами. До слѣдующаго утра продолжалось это томительное засѣданіе, пока, наконецъ, д'Эпермениль и Монзаберъ рѣшились сами отдаться въ руки королевскаго посланнаго. Раньше чѣмъ разойтись, парламентъ протестовалъ противъ произвольнаго ареста двухъ членовъ парламента, „силою отторгнутыхъ отъ святилища правосудія“ и противъ униженія, которому его подвергли „выставивъ противъ палаты пѣровъ цѣлый военный лагерь, точно противъ мятежнаго очага, а не противъ парламента, борящагося съ врагами законовъ только силою разума и убѣжденій“.

На другой день члены парламента получили приглашеніе въ Версалѣ на королевское засѣданіе. На предварительномъ совѣщаніи они возобновили клятву противдѣйствовать учрежденію общей палаты, „этого орудія рабства, скрытаго подъ маской свободы“.

Послѣ небольшой вступительной рѣчи короля, хранитель печати ознакомилъ собраніе съ планомъ правительства и огласилъ текстъ указа, учреждающаго общую палату, какъ учрежденіе санкціонирующее законы. Преній не было никакихъ. Только президентъ Алигръ доложилъ о рѣшеніи членовъ парламента „не участвовать ни какъ корпо-

рація, ни лично ни въ какой дѣтельности, протекающей изъ вы-
выхъ законовъ“.

На этомъ засѣданіи и кончилось, послѣ исполненія нѣкоторыхъ
формальностей, связанныхъ съ принудительной регистраціей указовъ.

Въ тотъ же день и часъ указы были сообщены податной и счетной
палатамъ. Въ обѣихъ они встрѣтили тотъ же пріемъ. Отказываясь за-
регистрировать ихъ, президентъ счетной палаты сказалъ: „Мы будемъ
слушаться только голоса нашей совѣсти, и мы будемъ всегда дѣлать
уваженіе нашихъ согражданъ и сужденіе потомства“.

На слѣдующій день было первое и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее
засѣданіе общей палаты. Несмотря на всю торжественность, съ какою
ее учреждали, она не могла существовать. Это было мертворожденное
учрежденіе, которому суждено только усилить революціонное броженіе.

Чтобы предотвратить дальнѣйшее вліяніе парламента на насе-
леніе, палаты были въ тотъ же день распущены на вакаціи. Въ Пар-
ижѣ начались было уличныя волненія, но они были скоро остановлены
вмѣшательствомъ военной силы.

Но на этомъ еще далеко не кончились неудачи правительства.
Только теперь мѣсто дѣйствія перенеслось изъ Парижа въ провинціи.

II.

Въ провинціяхъ правительству надо было считаться не съ одними
только парламентами. Во многихъ мѣстностяхъ, присоединенныхъ позд-
нѣе къ французскому королевству, сохранилась еще тѣнь нѣкотораго
самоуправленія, въ видѣ провинціальныхъ штатовъ, состоявшихъ изъ
представителей трехъ сословій данной провинціи. Въ этихъ провин-
ціальныхъ штатахъ преобладали, главнымъ образомъ, представители
привилегированныхъ сословій, компетенція ихъ была сведена почти
къ нулю, вся фактическая власть принадлежала королевскому намѣст-
нику или интенданту, но какъ бы то ни было, это были готовые органы
оппозиціи, поскольку она захватывала привилегированные слои об-
щества.

Правительство имѣло полное основаніе ожидать, что въ провинціи
его майскіе указы встрѣтятъ не болѣе сочувствія, чѣмъ въ Парижѣ.
Въ виду этого оно заранее приняло всѣ предосторожности, чтобы
обезпечить себѣ повиновеніе. Всѣ интенданты, находившіеся въ отпу-
ску, получили приказаніе немедленно отправиться къ мѣсту службы и
ожидать приказаній свыше. Эти приказанія они должны были выпол-
нить съ полнѣйшей точностью, не позволяя себѣ ни малѣйшихъ укло-
неній отъ указанныхъ формъ.

Слухи объ этихъ приготовленіяхъ, разумѣется, немедленно про-
никли въ общество и разнеслись по странѣ. Внимательно слѣдя за
борьбой парижскаго парламента, провинціальные парламента поняли,
что дѣло должно было коснуться ихъ. Во многихъ мѣстахъ парламента

сами пошли навстрѣчу угрожающимъ событіямъ. Въ противоположныхъ
частяхъ Франціи, на крайнемъ югѣ и на сѣверѣ, на востокѣ и на за-
падѣ безъ всякаго предварительнаго уговора были приняты одинаковыя
мѣры. Парламенты По (Беарнъ) и Руана (Нормандія). Нанси (Лотарингія) и Ренна (Бретань) въ первыхъ числахъ мая приняли поста-
новленія, заранѣе протестующія противъ всякаго измѣненія парла-
ментскаго устройства.

Одновременно съ этимъ интенданты всѣхъ провинцій получили
приказанія созвать мѣстные парламента въ торжественныя засѣданія
на 8-е мая, потребовать регистраціи майскихъ указовъ и добиться въ
что бы то ни стало ихъ исполненія. Правительство боялось вліянія
другъ на друга парламентавъ и поэтому придавало очень большае
значение тому, чтобы указъ объ общей палатѣ былъ прочитанъ всѣмъ
парламентамъ въ тотъ же день, какъ и парижскому. Но вопреки этимъ
предосторожностямъ, одинаковыя причины должны были неминуемо
повести къ одинаковымъ слѣдствіямъ. За очень немногими исключе-
ніями торжественныя засѣданія дѣйствительно повсемѣстно произошли
8 го мая, но точно также повсемѣстно они потерпѣли неудачу, а мѣ-
стами вызвали и болѣе или менѣе серьезныя волненія.

Прежде всѣхъ приготовилась къ борьбѣ самая отдаленная отъ
Парижа, пограничная съ Испаніей провинція Беарнъ. Еще 2-го мая
парламентъ въ По постановилъ протестовать противъ всякихъ нов-
шествъ. 7-го вечеромъ президентъ его получилъ предписаніе созвать
членовъ парламента въ торжественное засѣданіе на утро слѣдую-
щаго дня.

8-го утромъ королевскій интендантъ и военный коммендантъ
провинціи явились въ парламентъ и огласили указъ, уничтожавшій
парламенты и учреждавшій одну Общую Палату, въ которую должны
были войти по одному члену отъ каждаго провинціального парла-
мента. Тщетно протестовали члены парламента, ссылаясь на консти-
туцію своей провинціи, тщетно пытались тѣмъ или другимъ спосо-
бомъ сорвать засѣданіе, все было предусмотрено заранѣе, и воля ко-
роля не допускала никакихъ оттяжекъ и уклоненій. До глубокой ночи
длилось засѣданіе, но въ концѣ концовъ спорные указы были все же
зарегистрированы, парламентъ распущенъ и самое зданіе его за-
печатано.

Но на этомъ дѣло не кончилось. Парламентъ немедленно разо-
слалъ по всѣмъ городамъ и селамъ провинціи свое постановленіе отъ
2-го мая и повелъ дѣятельную агитанцію противъ правительственныхъ
распоряженій. Въ По съѣхалась масса дворянъ, чтобы обсудить поло-
женіе и принять необходимыя мѣры. Крестьянство тоже не осталось
глухо къ событіямъ въ По. Какъ ни недоброжелателю оно отнеслось къ
привилегированнымъ, но въ ихъ борьбѣ съ правительствомъ оно
тово было поддержать ихъ.

Прошло больше мѣсяца безъ всякихъ крупныхъ событій. Представители центральной власти уже начали успокаиваться, какъ вдругъ 19-го юня въ городъ со всѣхъ сторонъ стали стекаться окрѣстные горные жители, вооруженные тѣмъ попало. Воспользовавшись смущеніемъ маленькаго гарнизона, они быстро завладѣли артиллеріей, вывели ее на городскіе стѣны и устроили повсюду собственные посты. Оградивъ такимъ образомъ городъ отъ нападений извнѣ, они принялись за водвореніе внутренняго порядка. Громадной толпой они отправились къ интенданту и потребовали возстановленія парламента. Оттуда они двинулись къ дому президента и тоже настоятельно потребовали, чтобъ онъ созвалъ парламентъ.

Члены парламента, ужасобравшіеся въ домъ президента, отправились черезъ весь городъ въ парламентъ подъ охраной толпы. Печати съ дома были сняты, и парламентъ волею народа водворенъ на прежнемъ мѣстѣ.

Немедленно же по открытіи засѣданія въ парламентъ явилась депутація отъ Беарнскаго дворянства и вручила ему принятое дворянствомъ постановленіе.

Постановленіе это начиналось съ протеста противъ всякихъ нарушеній правъ провинціи Беарни. „Мы заявляемъ,—говорилось тамъ,— что мы будемъ считать нарушителемъ основныхъ законовъ страны, предателемъ и измѣнникомъ королю и родинѣ всякаго, кто займетъ какое бы то ни было мѣсто въ новыхъ учрежденіяхъ—и постановляемъ, что королю будутъ представлена почтительнѣйшая просьба отмѣнить новые законы и возстановить насъ въ нашихъ правахъ, обычаяхъ и привиллегіяхъ, къ чему его обязываетъ его присяга“.

Получивъ такую цѣнную поддержку, парламентъ еще болѣе укрѣпился въ своей позиціи и вынесъ постановленіе, заканчивавшееся слѣдующими словами:

„Въ виду всего этого, парламентъ, настаивая на своемъ протестѣ отъ 2-го мая, и возобновляя его, снова протестуетъ противъ всего происшедшаго въ сказанномъ парламентѣ 8-го того же мѣсяца... и заявляетъ, что все это недействительно и не можетъ имѣть никакого дѣйствія, а кромѣ того заявляетъ, что всякій, кто тѣмъ или другимъ способомъ будетъ содѣйствовать исполненію этихъ указовъ, повелѣній и объявленій, будетъ объявленъ измѣнникомъ королю, преступникомъ въ отношеніи націи и какъ таковой будетъ поставленъ внѣ закона“.

Правительство, уже нѣсколько неувѣренное въ себя послѣ многихъ неудачъ, достигшихъ его за это время въ другихъ мѣстахъ, не рѣшилось дѣйствовать силой. Оно сдѣлало попытку пойти на уступки и тѣмъ добиться подчиненія. Парламентеромъ былъ посланъ герцогъ де-Гишъ, принадлежавшій по рожденію къ высшему Беарнскому дворянству. Ему было поручено пообщаться парламентамъ, что онъ будетъ

немедленно возстановленъ, если онъ теперь разоидется, прекративъ свое революціонное существованіе. Но парламентъ не сдавался. На всѣ предложенія онъ отвѣчалъ категорическимъ отказомъ и требованіемъ—на чисто отмѣнить всѣ новые указы.

Герцогъ де-Гишъ вернулся въ Парижъ ни съ чѣмъ, а Беарнскіи парламентъ получилъ приказаніе отъ короля немедленно во всемъ составѣ отправиться въ Версаль и выслушать волю короля изъ его советвенныхъ устъ. На этотъ разъ парламентъ повановался и черезъ всю Францію потянулся длинный кортежъ членовъ Беарнскаго парламента. Легко себѣ представитъ, какого рода дѣйствіе производило это оригинальное зрѣлище.

Между тѣмъ къ тому времени, когда они добрались до Версаля, тамъ повѣяло уже новымъ вѣтромъ, унесшимъ, какъ не нужные хламъ всѣ майскіе указы. Парламенты были возстановлены, и беарнцы могли мирно возвратиться на родину.

— Еще сложнѣе были событія, разыгравшіяся въ Бретани. Тамъ особенно ярко сказывается то, насколько особенности даннаго политическаго момента затуманивали уже значительно обострившіяся социальныя противорѣчія. Провинціальныя Штаты Бретани уже давно воспользовались численнымъ преобладаніемъ въ нихъ представителей высшихъ сословій—для того чтобы сложить все бремя мѣстныхъ расходовъ исключительно на третье сословіе.

Еще съ половины XVII вѣка тамъ была установлена исключительно высокая подымная подать, которая ложилась исключительно на неprivilegedированныхъ. Представители третьяго сословія перестали даже уже и бороться противъ этой вопіющей несправедливости, чувствуя свое полное безсиліе. Но въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка новый намѣстникъ Бретани Бертрамъ де Мольвиль обнаружилъ, что подать эта введена совершенно незаконно и сообщилъ объ этомъ правительству. Министръ приказалъ пересмотрѣть указъ о подати и замѣнить ее другимъ видомъ обложенія.

Третье сословіе ободрилось, получивъ такую неожиданную поддержку. Но дворянство не уступало и повело энергичную кампанію противъ интенданта. Источивъ всѣ средства борьбы, оно наконецъ подвергло Мольвилю своего рода бойкоту, прервавъ съ нимъ всѣ даже официальныя сношенія. Въ концѣ концовъ ему пришлось уѣхать изъ Бретани.

Такъ обстояло дѣло въ тотъ моментъ, когда правительство готовило свою революцію. Де-Мольвиль также какъ и всѣ остальные интенданты получилъ приказаніе явиться на мѣсто службы. Передъ отъѣздомъ онъ былъ у хранителя печати, напомнилъ ему о положеніи дѣлъ въ Бретани и сказалъ, что, если дѣло идетъ о какихъ-нибудь насильственныхъ мѣрахъ, то онъ не можетъ взять на себя ихъ исполненіе, въ виду своихъ отношеній съ мѣстнымъ обществомъ. Но

Ламуаньонъ увѣрилъ его, что ничего подобнаго не предвидится. Однако, вернувшись въ Бретань, де-Мольвиль получилъ извѣстный приказъ о разгромѣ парламента. Онъ немедленно же послалъ свой отказъ отъ выполненія порученія вмѣстѣ съ прошеніемъ объ отставкѣ. Въ силу этого обстоятельства торжественное засѣданіе парламента не могло состояться въ Бретани 8-го, какъ во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ.

Между тѣмъ секретныя приготовления правительства не прошли незамѣченными и въ Бретани. Съ первыхъ чиселъ мая въ Реннѣ появились первые признаки тревоги. 5-го мая парламентъ собрался въ экстренное засѣданіе и составилъ заранѣе протестъ противъ какихъ бы то ни было указовъ, нарушающихъ его права. Но парламентомъ дѣло не ограничилось. Провинціальныя Штаты тоже нашли необходимымъ вмѣшаться въ это дѣло, опасаясь нарушенія со стороны правительства мѣстныхъ правъ и привилегій. Сессіи Провинціальныя Штатовъ въ данный моментъ не происходило, но въ Реннѣ засѣдала постоянная коммиссія Штатовъ, являющаяся ихъ исполнительнымъ органомъ. Эта коммиссія послала отъ себя депутацію въ парламента, напоминая объ утвержденной королею конституціи Бретани, не допуская никакихъ измѣненій въ ея учрежденіяхъ безъ согласія мѣстнаго парламента и Провинціальныя Штатовъ.

Въ тотъ же день о состоявшихся постановленіяхъ парламента и коммиссіи Штатовъ было сообщено интенданту съ просьбой довести объ этомъ до свѣдѣнія короля.

Начавшись съ парламента, оппозиціонное движеніе быстро захватываетъ и другія группы населенія. Провинціальное дворянство поспѣшно съѣзжается въ Реннъ, устраиваетъ собранія, на которыхъ оно тоже объявляетъ измѣнникомъ всякаго, кто окажетъ какое бы то ни было содѣйствіе мѣрамъ правительства. Ихъ примѣру слѣдуетъ и духовенство, собирается и посылаетъ къ коммиссару депутацію, протестуя въ свою очередь противъ „готовящагося разрушенія парламента и національной конституціи“.

Можно было бы подумать, что въ Бретани по крайней мѣрѣ оппозиціонное движеніе, начавшееся въ привилегированныхъ группахъ, не распространится на другія слои населенія. Сословная рознь во всей силѣ ощущалась тамъ еще задолго до этого, и дворянству казалось, трудно было вовлечь въ свою борьбу непривилегированныхъ. Но на дѣлѣ мы видимъ другое. Дворянство сумѣло на время затушить свои сословныя тенденціи и выдвинуло на первый планъ общіе для всего населенія интересы. На время были забыты всѣ раздоры и правительственныя попятныя встрѣтили дружный отпоръ. Собираются адвокаты, прокуроры, профессора, вездѣ составляются протесты и сочувственныя парламенту резолюціи. Профессора и учителя въ своемъ постановленіи заявляютъ, что не могутъ молчать, такъ какъ

если бы они промолчали, „родина потребовала бы у нихъ отчета въ гибельномъ примѣрѣ, который они подаютъ воспитанникамъ, этому драгоцѣнному залогу, врученному имъ родиной“. Простой народъ тоже не оставался равнодушнымъ; на улицахъ царило тревожное оживленіе, собирались толпы, по адресу правительственныхъ чиновниковъ раздавались угрозы и оскорбленія.

Но правительство и не думало считаться съ этими осложняющими обстоятельствами. 9-го мая Мольвиль получилъ категорическій приказъ оставаться на своемъ посту и безъ малѣйшихъ замедленій выполнить высочайшую волю. На 10-е число было назначено торжественное засѣданіе парламента. Вѣсть объ этомъ съ быстротою молніи разнеслась по городу, и на другое утро на улицахъ королевскихъ коммиссаровъ ожидала непріязненная, угрожающе молчаливая толпа.

Въ зданіи парламента ихъ понято встрѣтили не лучше, хотя оба они, и интендантъ, и комедантъ начали съ извиненій, оправдывая себя тѣмъ, что они ничего не знали. Прямого сопротивленія со стороны парламента они не опасались, воля короля была выражена ясно, а привычка къ повиновенію все же еще оставалась. Гораздо опаснѣе казалась имъ ожидавшая ихъ на улицѣ толпа. Тутъ имъ пришла въ голову счастливая мысль. Торжественныя засѣданія обыкновенно занимали очень много времени. Въ Реннѣ уже были получены извѣстія, что въ другихъ мѣстахъ они закончились глубокой ночью или даже утромъ слѣдующаго дня. Поэтому толпа, пропустивъ коммиссаровъ, разошлась, имѣя въ виду собраться снова къ вечеру. Коммиссары замѣтили изъ оконъ, что площадь опустѣла и рѣшили воспользоваться этимъ. Они повели засѣданіе на всѣхъ парахъ, не вступая въ пренія и требуя только исполненія самыхъ необходимыхъ формальностей. Къ двумъ часамъ все было кончено, указы зарегистрированы и засѣданіе закрыто.

На площади оставалась только небольшая кучка любопытныхъ и значительная часть войска. Они могли бы незамѣтно уѣхать домой, но тутъ, къ несчастью для нихъ, между ними завязался споръ, брать ли съ собою военную охрану или нѣтъ. Очевидцы рассказываютъ, что споръ этотъ длился около четверти часа, а между тѣмъ толпа прибывала. Когда наконецъ, они выѣхали, съ обычной свитой, велѣдъ имъ раздали свѣтки и брань. По дорогѣ толпа все сгущалась и становилась смѣлѣе, а недалеко отъ ихъ дворца въ нихъ полетѣли камни и вѣроятно ихъ не пропустили бы, еслибы на выручку не прискакали взводъ солдатъ, стоявшіи на караулѣ у дворца.

Едва они успѣли скрыться въ верогахъ, какъ толпа бросилась на дворецъ и между нею и солдатами завязалась настоящая драка. Вотъ какъ описываетъ это происшествіе отчетъ, изданный парламентомъ: „Молодые люди бросались впередъ, съ храбростью, съ яростью и прокладывали себѣ дорогу... Штыки гнулись въ ихъ рукахъ, ружья

вырывались изъ рукъ солдатъ... Раздавались ужасные крики... Грозилъ страшная опасность... Вдругъ офицеръ гвардіи бросается къ толпѣ, кидаетъ оружіе и восклицаетъ:

— Друзья мои, не будемъ убивать другъ друга, я гражданинъ, какъ и вы... Солдаты, остановитесь!— Такое поведеніе сразу измѣнило настроеніе толпы. Поднялись крики: „Браво, офицеръ!“ Его окружили, приветствовали, пожимали ему руки, обнимали.

Толпа успокоилась, но не разошлась. Было рѣшено не пытаться овладѣть дворцомъ, чо не выпускать изъ него комиссаровъ. Потому ли, что войскъ въ городѣ было мало, или потому, что офицеры не рѣшались открывать огонь, во всякомъ случаѣ толпа нѣсколько дней продержала комиссаровъ въ осадѣ, не выпуская никого изъ дворца.

А въ городѣ между тѣмъ волненіе росло. Въ двухъ клубахъ, дворянскомъ и всесловномъ шли непрерывныя засѣданія. Молодежь сильно волновалась. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней въ дворянскій клубъ явился староста высшей юридической школы, студентъ Моро, будущій генералъ республиканской арміи, знаменитый побѣдитель при Гогенлинденѣ. Онъ предложилъ дворянству заключить союзъ съ студенчествомъ и совместно напасть на стоящій въ Реннѣ Роганскій полкъ.

Такимъ образомъ, даже молодежь, эта всегда наиболѣе чуткая часть общества, видѣла въ данный моментъ въ дворянствѣ серьезнаго врага правительства и считала возможнымъ дѣйствовать рука объ руку съ нимъ. А между тѣмъ всего нѣсколько мѣсяцевъ спустя та же самая молодежь и съ тѣмъ же Моро во главѣ дошла до вооруженныхъ столкновеній съ Реннскимъ дворянствомъ. И въ этомъ не было никакой непослѣдовательности. Пока дворянство дѣйствовало въ революціонномъ направленіи, поддержка ему могла быть только полезна дѣлу освобожденія.

Дворяне, впрочемъ, не заходили такъ далеко. Ихъ смутили такіе союзники, и они отказались отъ предложенія Моро. Но Моро не остановился на этомъ. Онъ разослалъ воззванія во все университеты, приглашая учащуюся молодежь всеми способами поддерживать броженія и, гдѣ нужно самимъ возбуждать столкновенія съ правительствомъ. Онъ разсказалъ въ немъ о студенческихъ сходкахъ въ Реннѣ и о принятыхъ ими резолюціяхъ по поводу волненій, происходящихъ въ странѣ.

Рабочее населеніе города также не переставало волноваться. На улицахъ чуть не каждый день происходили стычки съ солдатами. Надо замѣтить, что наступательная роль во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ принадлежала народу. Солдаты только защищались, дѣйствуя однимъ холоднымъ оружіемъ. Комендантъ не разрѣшалъ войску открывать огонь.

Между тѣмъ самъ парламентъ первое время держался въ ста-

ронѣ. Заявивъ о незаконности торжественнаго собранія и зарегистрированныхъ на немъ указовъ, онъ тѣмъ не менѣе подчинился имъ и пересталъ собираться. Но долгое время такъ продолжаться не могло. Населеніе видѣло въ немъ естественный центръ движенія и побуждало его принять дѣятельное участіе въ событіяхъ. Ждать было невозможно тѣмъ болѣе, что события принимали все болѣе угрожающій характеръ. Наконецъ, 29 мая состоялось предварительное совѣщаніе парламента въ частномъ домѣ и рѣшено было 31-го собраться въ домѣ председателя, Кюлье, прогнвъ дворца интенданта.

Съ ранняго утра въ назначенный день толпы народа наводнили площадь между интенданствомъ и домомъ Кюлье. Къ пяти часамъ утра собралась къ членамъ парламента. Отрядъ солдатъ, охранявшій интенданство, не пытался препятствовать имъ. Графъ Тіаръ, военный комендантъ Ренна, узналъ объ этомъ, когда засѣданіе уже началось. Онъ немедленно послалъ въ домъ Кюлье офицера Роганскаго полка съ огрядомъ солдатъ. Офицеръ долженъ былъ передать парламенту приказъ немедленно разойтись. Но дверь дома оказалась запертой и забаррикадированной изнутри, а офицеръ не имѣлъ приказанія врываться силой. Онъ рѣшилъ остаться у дверей и не впускать больше никого въ домъ.

Парламентъ между тѣмъ, узнавъ о происшедшемъ, постановилъ послать къ коменданту депутацію съ требованіемъ убрать войско.

Депутация благополучно добралась до интенданства, была пропущена внутрь и доложила о жетаніи парламента. Комендантъ согласился, но подъ условіемъ, чтобы парламентъ возможно скорѣе разошелся самъ. Депутаты обещали содѣйствовать этому.

Парламентъ не терялъ времени. Онъ не ограничился объявленіемъ всѣхъ майскихъ указовъ незаконными и не дѣйствительными. Онъ называлъ „виновными въ оскорбленіи величества и въ оскорбленіи націи всѣхъ, кто въ развращенности своего сердца осмѣлились предлагать или заставлять исполнять проекты, которые направлены къ полному ниспроверженію основъ государственнаго строя и которые въ своемъ кощунственномъ дерзновеніи доходятъ до того, что направляютъ противъ народа силы, когорыя онъ содержитъ для собственной защиты“.

Графъ Тіаръ узналъ объ этихъ постановленіяхъ только вечеромъ по окончаніи засѣданія. Въ ту же ночь онъ разослалъ чинамъ парламента приказы за подписью короля (lettres de cachêt), предписывавшіе имъ немедленно оставить городъ и ѣхать въ ссылку.

И настолько сильна была привычка къ повиновенію, что члены парламента и не подумали ослушаться. Войска было немного, весь народъ готовъ былъ вступиться за нихъ и тѣмъ не менѣе они въ ту же ночь послушно и тайно выѣхали на мѣсто ссылки. Такимъ образомъ часто случалось, что высшіе сословія не рѣшались воспользоваться

результатами ими же самими вызваннаго движенія. Впрочемъ, дѣло было тутъ, конечно, не только въ недостаткѣ рѣшимости. Причины лежали глубже. Привилегированные слои населенія въ тотъ моментъ дѣйствительно были въ ссорѣ съ правительствомъ. Чтобы припугнуть его, они готовы были воспользоваться какъ орудіемъ народнымъ неудовольствіемъ противъ существующаго строя. Но они не сознавали всей глубины этого неудовольствія, они не понимали, что, разъ вызвавъ его, они уже не въ силахъ будутъ остановить его. Между тѣмъ итти съ народомъ до конца, разрушать въ корнѣ строй, дававшій имъ столько выгодъ, вовсе не входило въ ихъ расчеты. Вотъ почему въ рѣшительный моментъ они всегда были готовы отступить и предоставить народъ ярости, собравшагося съ силами врага.

Такъ было и на этотъ разъ. Парламентъ смиренно уѣхалъ въ изгнаніе, а дворянство послало въ Версаль депутацію ходатайствовать о его возвращеніи. Депутація эта пробовала добиться поддержки придворныхъ и ~~первое~~ ~~время~~ это какъ будто удавалось ей, но потомъ изъ Бретани вернулся интендантъ, де Мольвилъ и въ такомъ видѣ изобразилъ тамошнія событія, что всѣ двѣнадцать депутатовъ были немедленно арестованы и заключены въ Бастилю. Въ Бретань послали болѣе энергичнаго главнокомандующаго, двинули туда войска, и въ нѣсколько дней народъ, оставшійся безъ предводителей, былъ приведенъ къ повиновенію.

Не такъ закончились волненія въ Дофинѣ. Тамъ они носили наиболѣе общенациональный характеръ, и именно поэтому они нанесли наиболѣе чувствительный ударъ правительству.

Торжественное засѣданіе парламента, состоявшееся въ Греноблѣ съ опозданіемъ, 10-го мая, прошло относительно благополучно. Указы были зарегистрированы, парламентъ распущенъ и двери его заколочены.

На слѣдующій день состоялось собраніе дворянства. На немъ было рѣшено послать въ Версаль депутацію ходатайствовать объ отмѣнѣ майскихъ указовъ и о возстановленіи парламента. Правительство, подкупленное спокойствіемъ, царившимъ въ Греноблѣ, приняло депутацію очень милостиво и общало въ будущемъ всякія уступки.

Но время было не такое, когда люди расположены спокойно ждать неопредѣленнаго будущаго. Кругомъ все кипѣло, и въ Дофинѣ тоже назрѣвало раздраженіе и безпокойство. Частныя собранія, сходки, резолюціи шли своимъ чередомъ. Парламентъ сначала, какъ и вездѣ, подчеркивалъ свою лояльность и безмолвствовалъ. Наконецъ, насталъ моментъ, когда ему пришлось выбирать. — или совсѣмъ сойти со сцены, или отказаться отъ наружной корректности. Онъ предпочелъ второе. 20-го мая онъ собрался въ домъ своего председателя и вынесъ постановленіе, которое по рѣшительности тона оставляло далеко за собой рѣшенія другихъ парламентовъ. Онъ не ограничивался характеристикой указовъ и требованіемъ ихъ отмѣны, онъ обращался къ самому пра-

вительству и беспощадно бичевалъ его политику. Заканчивалось это постановленіе прямымъ обращеніемъ къ народу. „Надо показать имъ (министрамъ).—говорилось тамъ,—на что способна великодушная нація, которую они хотятъ заковать въ кандалы.“

Въ Версалѣ это постановленіе вызвало большое смущеніе. Ясно было, что надо предпринять что нибудь, не теряя времени. Но репертуаръ правительственныхъ мѣръ въ такихъ случаяхъ всегда очень ограниченъ. Послѣ нѣкотораго колебанія было рѣшено послать всѣмъ членамъ Гренобльскаго парламента именные приказы немедленно отправиться въ ссылку.

Тѣмъ временемъ въ Греноблѣ броженіе все росло. Появилась брошюра Барнава о значеніи майскихъ указовъ. Въ этой брошюрѣ вопросъ впервые ставился на общенациональную точку зрѣнія. Барнавъ доказывалъ, что майскіе указы нарушаютъ не привилегіи той или другой провинціи, а священныя права каждого французскаго гражданина. Заканчивалъ онъ призывомъ требовать все что бы то ни стало немедленнаго созванія Генеральныхъ Штатовъ. Атмосфера была напряженной до крайности, когда 7-го іюля утромъ члены парламента получили королевскіе приказы немедленно отправляться въ ссылку. Въѣсть эта съ быстротою молніи облетаетъ городъ. Къ дому президента отовсюду стекается народъ. Вотъ какъ описываетъ Веберъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ этотъ день: „Парламентскіе клерки разсыпались по улицамъ, площадямъ и домамъ Гренобля. Одинъ прокуроръ руководилъ движеніемъ. Повсюду повторяютъ, что, если у города отнимутъ парламентъ, городъ испытаетъ страшныя бѣдствія. Всѣ лавки закрываются. Колокола звонятъ въ набатъ. Населеніе разбивается на группы, однѣ идутъ къ городскимъ воротамъ, замыкаютъ ихъ и овладѣваютъ ключами, несмотря на сопротивленіе удвоенной стражи. Другія направляются къ первому президенту и ко всѣмъ членамъ парламента, овладѣваютъ ихъ чемоданами, экипажами и съ угрозами, пріятными для тѣхъ, къ кому онѣ обращались, запрещаютъ имъ выѣзжать. Нѣкоторымъ поручается наблюдать за отрядами войскъ, разсыянными по городу, а главная масса въ это время устремляется къ коменданту“ требовать возстановленія парламента.

Два гренадерскіе полка, стоявшіе въ городѣ, не могли остановить бурнаго потока, стремившагося по улицамъ къ дворцу коменданта. Народъ безстрашно бросался на отряды пытавшіеся загородить ему дорогу, вмѣшивался въ ихъ ряды, раньше чѣмъ они успѣвали пустить въ ходъ оружіе. Офицеровъ убѣждали, стыдили, женщины бросались на шею солдатамъ, мѣшая имъ заряжать ружья, и со всѣхъ сторонъ звучали крики: Неужели вы будете стрѣлять въ вашихъ братьевъ?

По большей части воинская дисциплина быстро падала, и офицеры во избѣжаніе худшаго поспѣшно уводили свои отряды.

Только одинъ отрядъ рѣшился въ этотъ день поднять оружіе.

Раздался залпъ, нѣсколько человѣкъ въ толпѣ упало ранеными, двое были убиты. Въ слѣдующую минуту толпа, какъ смертоносная лавина, ринулась на солдатъ. Въ нихъ полетѣли камни изъ мостовой, кирпичи, черепицы съ крышъ, ихъ смяли, снесли, и въ нѣсколько минутъ отрядъ былъ обращенъ въ бѣгство, а разъяренная толпа примчалась къ дворцу, пробила брешь въ стѣнѣ и ворвалась внутрь. Комеданданта быстро нашли и приказали ему, держа топоръ надъ головой, написать предписаніе президенту созвать парламентъ.

Предписаніе было получено и парламентъ, возбудившій народное движеніе, съ торжествомъ водворенъ на мѣсто.

По обыкновенію, парламентъ начинается съ того, что изгоняетъ изъ своего святилища толпу, только что завоевавшую его, и предписываетъ народу благоразуміе и сдержанность.

Вообще послѣ того какъ дѣло было сдѣлано, члены парламента стали открыто выражать неодобреніе мятежнымъ и насильственнымъ дѣйствіямъ толпы. Указывая на невозможность бороться съ народными движеніями при существующихъ условіяхъ, они „требовали прочно установленной и хорошо уравновѣшенной конституціи“... для борьбы съ крамолой. Такимъ образомъ, народное возстаніе послужило Гренобльскому дворянству двѣ службы, во первыхъ, оно сплodu возстановило парламентъ, во вторыхъ оно дало ему лишній аргументъ для требованія конституціи.

Они не предвидѣли только одного—того, что когда народное движеніе разольется по всей стрѣлѣ, овладѣть имъ будетъ еще труднѣе, чѣмъ въ Греноблѣ, и конституція, которую оно дастъ, окажется скроенной далеко не по ихъ рецепту.

Первые признаки того, что высшимъ сословіямъ придется въ дальнѣйшемъ или отступать, или уступать сказались въ Дофинѣ очень скоро.

Парламентъ, парадировавъ своей лояльностью, водворивъ порядокъ и еще разъ опротестовавъ указы, добровольно отправился въ ссылку. Свою роль онъ передалъ по наслѣдству дворянству. Та самая коммиссія, которая посылала децутацію въ Версаль, рѣшила теперь пойти навстрѣчу событіямъ и созвать представителей всѣхъ сословій Дофинѣ, чтобъ обсудить положеніе вещей. Это былъ крупный шагъ. Первый разъ французская провинція рѣшила самочинно созвать нѣчто вродѣ мѣстнаго учредительнаго собранія. На предварительномъ совѣщаніи, противъ ожиданія, представители третьяго сословія не выражали особаго энтузіазма къ этой попыткѣ. Дворяне скоро поняли въ чемъ дѣло. Третьему сословію не было никакого расчета участвовать въ собраніи, гдѣ оно навѣрно будетъ въ меньшинствѣ. Но дворяне зашли уже слишкомъ далеко, чтобы отступать, оставалось уступить. Одинъ дворянинъ сказалъ горячую рѣчь на тему о томъ, что безъ всякаго сомнѣнія третье сословіе будетъ имѣть столько же представителей,

сколько два первыя вмѣстѣ. Противъ не раздалось ни одного голоса и третье сословіе горячо взялось за осуществленіе проекта. Во главѣ его стоялъ будущій лидеръ третьяго сословія въ Генеральныхъ Штатахъ, Мунье.

Собраніе представителей всѣхъ трехъ сословій было назначено на 21 іюля. Узнавъ объ этомъ, правительство встревожилось. Но коммандантъ Дофинѣ написалъ Бриенну, что препятствовать ему было бы еще опаснѣе, чѣмъ допустить. Поэтому рѣшено было не препятствовать подъ тѣмъ условіемъ только, чтобы мѣстомъ засѣданій былъ избранъ не Гренобль.

Организаторы сѣзда согласились на это и мѣстомъ былъ назначенъ замокъ Визиль, недалеко отъ Гренобля.

Къ восьми часамъ утра 21-го всѣ представители были уже на мѣстѣ, и засѣданіе открылось. Въ тотъ же день было составлено, предложено и единогласно принято постановленіе, требовавшее отмены майскихъ указовъ и созыва Генеральныхъ Штатовъ. Собраніе представителей трехъ сословій провинціи Дофинѣ,—говорилось тамъ,—постановляетъ „что Его Величеству будутъ сдѣланы почтительнѣйшія представленія, чтобы умолять Его взять обратно новые указы, возстановить парламентъ Дофинѣ и другія судебныя учрежденія въ ихъ функціяхъ, созвать Генеральные Штаты королевства и созывать отдѣльные провинціальныя штаты.

„Постановляетъ, что три сословія будутъ считать презрѣнными и измѣнниками родинѣ всѣхъ, кто принялъ или приметъ въ будущемъ участіе въ исполненіи новыхъ указовъ.

„Постановляетъ, что три сословія провинціи, стремясь подать всѣмъ французамъ примѣръ единенія и привязанности къ государству, готовые ко всѣмъ жертвамъ, которыхъ можетъ потребовать отъ нихъ безопасность и слава трона, дадутъ свое согласіе на какіе-либо налоги только послѣ того, какъ ихъ представители обсудятъ ихъ въ Генеральныхъ Штатахъ королевства.

„Постановляетъ, что въ провинціальныя штаты представители третьяго сословія будутъ въ равномъ количествѣ съ представителями первыхъ двухъ сословій вмѣстѣ.

„Постановляетъ, что три сословія Дофинѣ никогда не будутъ отдѣлять своихъ интересовъ отъ интересовъ другихъ провинцій и, защищая свои особыя права, они не забудутъ правъ націй...“

Визильское собраніе—это послѣдній этапъ революціоннаго движенія, который высія сословія продѣлали совмѣстно съ третьимъ. Послѣдній разъ тутъ глубокій сословный антагонизмъ отступилъ на задній планъ передъ общностью ближайшей политической дѣли. Дворяне еще не понимали, какъ далеко заидетъ то движеніе, которое они такъ усердно возбуждали. Третье сословіе еще находило выгоднымъ не подчеркивать противовѣчія и пользоваться добровольнымъ содѣйствіемъ

привилегированныхъ. оставляя за собой право обратиться противъ нихъ тотъ мечъ, который оно оттачивало совместно съ ними.

Визильскія постановленія прогремѣли по всей Франціи сигнальнымъ призывомъ. Они вдругъ заставили жителя каждой провинціи почувствовать, что правительство попираетъ не отдѣльныя права и привилегіи той или другой мѣстности, а священные права всякаго гражданина. И, разъ сознавъ это, они увидѣли, что сила ихъ только въ единой борьбѣ за общія права.

Требованіе Генеральныхъ Штатовъ стало всеобщимъ, упорнымъ настоятельнымъ. Теперь уже правительство стояло лицомъ къ лицу не съ мятежнымъ парламентомъ или даже парламентами и не съ бунтующими провинціями, а съ возмущенной страной, которая твердо заявляла, что не будетъ платить налоговъ, пока не будутъ созваны ея представители.

Жить безъ денегъ правительство не могло, войска у него было недостаточно, чтобы наводнить страну карательными отрядами и покорить, какъ покоряютъ завоеванный край. Иного выхода не было, приходилось уступить. 21-го юлія 1788 года были приняты постановленія въ Визиль, 8-го августа королевскій совѣтъ объявилъ, что срокомъ созыва Генеральныхъ Штатовъ назначается 1-го мая 1789 года.

Это была побѣда. Первая рѣшительная побѣда революціоннаго движенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ поворотный пунктъ, послѣ котораго силы, двигавшія его, разъединяются, нѣкоторое время нерѣшительно пристраиваются другъ другу и наконецъ, вступаютъ въ непримиримый бой.

За первой побѣдой вскорѣ послѣдовала и вторая. 25 августа Бриеннъ былъ уволенъ въ отставку, а 27-го первымъ министромъ былъ назначенъ Неккеръ. Неккеръ былъ символомъ прогрессивнаго теченія въ правительствѣ. Его возвращеніе значило крушеніе всей системы, господствовавшей въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Дѣйствительно, едва Неккеръ успѣлъ укрѣпиться въ своей позиціи, какъ ненавидимые майскіе указы были отмѣнены. Это было время восторговъ. Еще не успѣла улечься волна всеобщаго энтузіазма по поводу назначенія срока Генеральныхъ Штатовъ, какъ возвращеніе парламентовъ давало новую пиццу народнымъ восторгамъ.

Въ Парижѣ господствовало радостное оживленіе. Уже четыре мѣсяца парижане не слышали пламенныхъ рѣчей своихъ парламентскихъ любимцевъ. Они рѣшили торжественно встрѣтить людей, которые первые подняли знамя борьбы за Генеральные Штаты, знамя, побѣдоносно развѣвавшееся теперь надъ всей Франціей.

24-го сентября, день возвращенія парламента, былъ народнымъ праздникомъ въ Парижѣ. Триумфальныя арки, гирлянды, торжественныя процессіи смѣнили бурныя манифестаціи, сопровождавшія отставку Бриенна. Парламентъ ушався своей все растущей, казалось, славой. Онъ чувствовалъ потребность подчеркнуть свою солидарность съ на-

родомъ. Въ первое же засѣданіе, того же 24-го сентября онъ потребовалъ прежде всего строгаго разслѣдованія всѣхъ беззаконій, насилій и убійствъ, учиненныхъ полиціей при подавленіи народнаго движенія 26-го августа (день отставки Бриенна).

Потомъ одинъ изъ членовъ парламента произноситъ горячую рѣчь, которую онъ заканчиваетъ словами „Внѣ Генеральныхъ Штатовъ нѣтъ спасенія!“

Конечно, повторять это теперь значило стучаться въ открытую дверь, но слова эти еще не утратили своего обаянія, и первое засѣданіе парламента во всякомъ случаѣ не убавило народнаго энтузіазма.

Но что же могло быть дальше? Парламентъ не могъ до безконечности повторять общее пожеланіе Генеральныхъ Штатовъ, когда они уже были положительно обѣщаны. Волей неволей онъ долженъ былъ вскрыть то содержаніе, какое онъ въ нихъ вкладывалъ, опредѣлить точнѣе свое къ нимъ отношеніе.

Генеральные Штаты были обѣщаны. И не самый этотъ фактъ занималъ въ тотъ моментъ общественное вниманіе. До сихъ поръ еще не было опредѣлено даже въ общихъ чертахъ, въ какихъ формахъ будутъ созваны Генеральные Штаты. А между тѣмъ это являлось вопросомъ первостепенной важности. Отъ этого зависѣлъ весь дальнѣйшій ходъ движенія.

Если Генеральные Штаты будутъ созваны въ томъ же видѣ, какъ они собирались послѣдній разъ въ 1614 году, т. е. представители третьяго сословія будутъ имѣть вдвое менѣе голосовъ, чѣмъ два первыхъ вмѣстѣ, то Генеральные Штаты будутъ не Національнымъ Собраніемъ, а собраніемъ привилегированныхъ, такъ какъ большинство всегда будетъ на ихъ сторонѣ.

Это былъ кардинальный вопросъ, вокругъ котораго вращались всѣ споры, всѣ интересы того момента.

Парламентъ, конечно, также хорошо чувствовалъ принципиальную важность этого вопроса и понималъ, какое рѣшеніе его можетъ упрочить его популярность. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ сознавалъ, какое громадное значеніе для него самаго, для жизненныхъ интересовъ его членовъ имѣетъ по существу этотъ вопросъ. На одну чашку вѣсовъ легла его слава, на другую его матеріальные интересы. Трудно сказать, была ли тутъ борьба, или рѣшеніе явилось естественно, само собой. Быть можетъ, парламентъ надѣялся, что его былая слава послужитъ ему щитомъ и оправданіемъ.

Какъ бы то ни было, въ слѣдующемъ же засѣданіи 25-го сентября роковыя слова были произнесены. Парламентъ потребовалъ, „чтобы Генеральные Штаты были созваны и составлены, согласно правиламъ, соблюдавшимся въ 1614 году“.

Какъ ударъ грома пронеслась эта вѣсть. Раньше чѣмъ засѣданіе кончилось, о рѣшеніи парламента знали уже всѣ. Неодованіе было

бурное, всеобщее. Членовъ парламента встрѣтили на улицѣ насмѣшками, свистками, оскорбленіями. Д'Эпермениль, бывший любимецъ народа, вернувшись въ Парижъ черезъ нѣсколько дней, вмѣсто оваций выслушалъ поткорбленія и нападки. Никогда, кажется, популярность, создававшаяся мѣсяцами, не падала такъ внезапно и безвозвратно. Парламенты, Парижскій, а за нимъ и провинціальныя, упали въ общественомъ мнѣніи сразу и уже никогда болѣе не воскресали.

Среди членовъ парламента такой молниеносный переворотъ вызвалъ страшную обиду, недоумѣніе и негодованіе. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ на примѣръ Салье, приписывали его даже дворцовой интригѣ. Даже наименѣе пристрастные не могли простить народу его „легкомыслія“. Между тѣмъ въ этомъ паденіи репутаціи парламента сказалось далеко не легкомысліе, а именно удивительная чуткость народа. Своимъ постановленіемъ парламентъ ясно и опредѣленно вскрылъ свои тайныя вожделнія, и поддерживать его далѣе значило бы идти противъ самого себя.

Но также неправы, по вашему мнѣнію, и тѣ авторы, которые считаютъ плодомъ недоразумѣнія и легкомысленной ошибки прежнея сочувствіе народа парламенту, который будто бы сознательно вводилъ его въ обманъ. Обмана тутъ не было. Парламентъ дѣйствительно не могъ мириться съ царствомъ голаго произвола и ему дѣйствительно нужна была конституція. Онъ добивался ея вполне искренно. И народъ былъ правъ, поддерживая его въ этомъ. Своимъ сочувствіемъ, своими восторгами народъ толкалъ его впередъ. Не будь этого, парламентъ, вѣроятно, не зашелъ бы такъ далеко и не выказалъ бы столько твердости и уперства.

Въ данный моментъ первая общія цѣль была достигнута, а дальнѣйшія у народа и парламента, т. е. у третьяго сословія и привилегированныхъ, были глубоко различны. Это надо было сознать во время и во время отмежеваться. Парижское населеніе съ изумительной политической прозорливостью поставило точку именно, гдѣ слѣдовало, ни раньше, ни позже. Оно извлекло изъ парламентовъ все, что они могли дать, и не дало имъ ни на минуту затемнить свое сознаніе и увлечь себя на ложный путь.

Съ этого момента дороги третьяго сословія и привилегированныхъ расходятся все далѣе, пока съ началомъ революціи они не оказываются лицомъ къ лицу другъ противъ друга, какъ два враждебныхъ лагеря.

Правительство, въ лицѣ Неккера, все еще колебалось. Сообщиавъ Генеральныя Штаты, оно не могло рѣшить основной вопросъ объ относительномъ количествѣ сословныхъ представителей. И въ своей нерѣшительности оно не нашло ничего лучшаго, какъ снова созвать тѣхъ нотаблей, которые уже разъ показали свою полную несостоятельность. Въ первый разъ у нотаблей было по крайней мѣрѣ

одно опредѣленное настроеніе, если не рѣшеніе — ни въ какомъ случаѣ не оказывать поддержки правительству. Теперь, когда правительство пошло навстрѣчу всенароднымъ требованіямъ, этой цѣли не могло быть. Коренной вопросъ былъ уже рѣшенъ, оставалось только высказаться относительно формы его осуществленія. И нотабли, естественно, не могли отнестись къ этому иначе, чѣмъ парламентъ. Дѣйствительно, послѣ долгихъ, томительныхъ преній, нотабли большинствомъ 113 голосовъ противъ 32 постановили, что третье сословіе будетъ имѣть въ Генеральныхъ Штатахъ столько же депутатовъ, сколько каждое изъ первыхъ въ отдѣльности.

Рѣшеніе нотаблей произвело гораздо меньше впечатлѣнія, чѣмъ постановленіе парламента, такъ какъ отъ нотаблей ничего другого и не ожидали.

Только правительство обманулось въ своихъ ожиданіяхъ. Нотабли не только не вывели его изъ затрудненій, но даже создали ему новыя. Его положеніе оказалось еще болѣе запутаннымъ. Если не послѣдовать рѣшенію нотаблей, тогда для чего же было и созывать ихъ. Послѣдовать же было крайне опасно, въ виду все большаго волненія, овладѣвавшаго страной.

Въ провинціи вопросъ объ относительномъ представительствѣ трехъ сословій обсуждался съ еще болѣею страстностью, чѣмъ въ Парижѣ. Мѣстами онъ повелъ уже къ жестокимъ столкновеніямъ между высшими сословіями и парламентами съ одной стороны и третьимъ сословіемъ, иначе говоря, всѣмъ населеніемъ, съ другой.

Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ парламенты и провинціальныя штаты стояли во главѣ оппозиціоннаго, можно даже сказать, революціоннаго движенія, съ тѣхъ поръ, какъ весь народъ съ восторгомъ поддерживалъ ихъ, — и отъ прежняго единенія не осталось уже и слѣда. Вездѣ высшія сословія рѣшительно и опредѣленно отстаиваютъ свои узко сословныя интересы, и вездѣ они встрѣчаютъ энергичный отпоръ въ населеніи.

Исторія этихъ столкновеній почти одинакова во всѣхъ провинціяхъ. Наиболѣе типичны событія, разыгравшіяся на этой почвѣ въ Франшъ-Контѣ и Бретани.

Какъ только министерство Бриенна пало, и въ провинціяхъ стало извѣстно о близкомъ созывѣ Генеральныхъ Штатовъ и о возстановленіи мѣстныхъ учреждений, разрушенныхъ майскими указами, во Франшъ-Контѣ начались волненія. Уже 10 сентября состоялось многолюдное собраніе мѣстнаго дворянства, на которомъ дворяне принесли клятву ни въ какомъ случаѣ не допускать созыва никакихъ собраній кромѣ старинныхъ Штатовъ. Въ ноябрѣ были созваны провинціальныя штаты Франшъ-Контѣ, и тамъ высшія сословія тоже сразу подчеркнули свое намѣреніе во что бы то ни стало сохранить свои сословныя привилегіи. Они вотировали постановленіе, которымъ навсегда упрочивалось

старое устройство Штатовъ, т. е. равное представительство каждого изъ трехъ сословій и голосованіе по сословіямъ. Это рѣшеніе было принято большинствомъ голосовъ двухъ первыхъ сословій противъ третьяго, которое требовало двойнаго представительства для себя и поголовнаго голосованія.

Изъ среды высшихъ сословій тоже выдѣлилось нѣсколько чело-вѣкъ, — 22 дворянина и 9 духовныхъ, которые остались при особомъ мѣстѣ и опубликовали его для всеобщаго свѣдѣнія. Это рѣшеніе Штатовъ вызвало большое возмущеніе среди населенія провинціи. Но возмущеніе это достигло высшихъ предѣловъ, когда на сторону привилегированныхъ стала и парламентъ, высказавшись еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе. Послѣ долгихъ преній по этому вопросу Безанксонскій парламентъ 27 января принялъ подробное постановленіе, касающееся организаціи какъ провинціальныхъ, такъ и Генеральныхъ Штатовъ. Парламентъ постановляетъ, — говорится тамъ. — что „провинціальные штаты будутъ состоять изъ трехъ палатъ, представляющихъ три сословія, на которыя дѣлится населеніе Франшъ Контэ... Что, каково бы ни было число представителей каждого сословія, голосованіе должно производиться по сословіямъ и по палатамъ... Что депутаты Франшъ Контэ въ Генеральные Штаты должны быть избраны провинціальными штатами, при чемъ каждое сословіе избираетъ своихъ представителей... что Генеральные Штаты должны быть созваны согласно правиламъ 1614 года... что каждое сословіе должно засѣдать отдѣльно въ своей палатѣ, и всѣ сословія не могутъ засѣдать совместно и голосовать поголовно“...

Появленіе этого постановленія вызвало цѣлую бурю въ провинціи. Повсюду, и въ городахъ, и въ деревняхъ устраивались собранія, обсуждалось положеніе и выносились резолюціи, прямо противоположныя парламентскому рѣшенію. Масса листовъ и брошюръ разъясняла населенію все значеніе парламентскаго рѣшенія. Наконецъ, всеобщее волненіе разразилось бурными беспорядками на улицахъ Безансона, направленными противъ парламента. Возстаніе длилось цѣлыхъ три дня и было остановлено только оружіемъ.

Это происходило уже въ мартѣ 1789 года, т. е. всего за полтора мѣсяца до созыва Генеральныхъ Штатовъ, которые властно разрѣшили этотъ больной вопросъ, мучившій всю Францію.

Еще болѣе бурныя событія разыгрались въ Бретани, въ той самой Бретани, которая какъ одинъ челоувѣкъ встала на защиту своего парламента, гдѣ представители студентства предлагали дворянству всю поддержку въ его борьбѣ съ правительствомъ.

Первые признаки начинающагося среди населенія недоверія къ высшимъ сословіямъ сказались еще въ августѣ 1788 года.

Свѣдѣнія о сословныхъ тенденціяхъ дворянства проникли въ массы еще раньше, чѣмъ эти тенденціи проявились чѣмъ нибудь на

дѣлѣ. Генеральный прокуроръ синдикъ Ренна, графъ де Ботерель, — развѣзжавшій по странѣ и искавшій поддержки дворянскимъ требованіямъ былъ встрѣченъ въ Кемперѣ самымъ недружелюбнымъ образомъ. Населеніе осыпало его насмѣшками, свистало ему, такъ что наконецъ онъ принужденъ былъ уѣхать, ничего не добившись.

Холодно были встрѣчены и члены парламентской депутаціи, вернувшіеся изъ заточенія въ Бастиліи. Но это все еще были только предвѣстники начинавшагося народнаго движенія противъ привилегированныхъ. Начало этому движенію положили городскія управленія. Вотъ какъ описываетъ этотъ моментъ Салье, котораго глубоко возмущали приказы третьяго сословія: „Вскорѣ, — говоритъ онъ, — во всѣхъ городахъ провинціи муниципальные собранія стали составлять петиціи объ удвоеніи третьяго сословія Генеральныхъ штатахъ, а, чтобъ еще увеличить волненія, къ этому присоединялась просьба о подобномъ же измѣненіи въ устройствѣ провинціальныхъ штатовъ Бретани. Впрочемъ, это не были просьбы. Каждая муниципальная корпорація, каждое собраніе горожанъ, каждый союзъ торговцевъ или ремесленниковъ, мясниковъ, булочниковъ, кожевниковъ и т. п. высказались по этому вопросу государственнаго права и властно предписывали эту реформу для будущаго созыва провинціальныхъ штатовъ“.

А созывъ провинціальныхъ штатовъ тѣмъ временемъ приближался, и приближался вмѣстѣ съ тѣмъ моментъ рѣшительнаго столкновенія бретанской знати съ народомъ. Высшіе классы, разумѣется, и не думали дѣлать никакихъ уступковъ въ этомъ важномъ вопросѣ. Теперь, когда они достигли своего, и мѣстныя привилегіи были возстановлены, имъ больше не нужна была поддержка народа, и они рѣшили твердо отстаивать сословныя привилегіи.

Собраніе провинціальныхъ штатовъ было назначено на 29 декабря 1788 года. Въ двадцатыхъ числахъ того же мѣсяца состоялись муниципальные собранія во всѣхъ городахъ Бретани, на которыхъ депутатамъ третьяго сословія вмѣнялось въ обязанность не принимать никакого участія въ работахъ собранія, до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены ихъ законныя требованія.

Съ перваго же дня стало ясно, что привилегированные не уступятъ, но также ясно было, что и депутаты третьяго сословія уже не тѣ, что прежде и сломать ихъ не такъ легко. Положимъ, первыя сословія имѣли два голоса противъ одного и могли пріять любое рѣшеніе безъ участія третьяго сословія, но постановленія штатовъ приобрѣтали законную силу только, когда они были подписаны уполномоченными всѣхъ трехъ сословій. Третье сословіе, зная это, упорно отказывалось выбрать своего уполномоченнаго.

Правительство, обезпокоенное бездѣйствіемъ штатовъ, которые должны были утвердить налоги, попыталось было вмѣшаться и пообѣщало нѣкоторыя уступки третьему сословію. Но уступки эти были

такъ ничтожны, что онѣ только раздражили обѣ стороны и подлили масла въ огонь.

Волненіе охватывало постепенно весь край. Теперь ужъ не только муниципальныя собранія и организованные союзы выносили резолюціи, собирались клерки, прокуроры, студенты, и всѣ выражали свою солидарность съ депутатами третьяго сословія и требовали уступокъ со стороны привилегированныхъ. Реннское студенчество опять выбрало своимъ представителемъ Моро. Теперь онъ долженъ былъ организовать студенчество для борьбы въ рядахъ третьяго сословія противъ аристократіи.

Видя всѣ эти тревожные признаки, дворянство рѣшило не ждать, самому вынести борьбу на улицу и посѣять рознь въ рядахъ своихъ противниковъ.

Въ послѣднихъ числахъ января среди подонковъ Реннского населенія и дворянской челяди стали тайно распространяться листовки, приглашающіе 26 января на митингъ за городомъ, на Монморенскомъ полѣ. Въ назначенный день на обширной площади собралась большая разношерстная толпа, наполовину изъ полупьяныхъ оборванцевъ, наполовину изъ нарядныхъ лакеевъ богатыхъ домовъ. Ораторъ лакей произнесъ горячую рѣчь на тему о томъ, что третье сословіе стремится уничтожить дворянство и тѣмъ самымъ отнять хлѣбъ у всѣхъ ихъ, питающихся около дворянъ. Толпа хлопала оратору и рѣшила идти въ городъ и показать зазнавшимся выскочкамъ ихъ мѣсто. Намѣренно или случайно предводитель повелъ толпу прямо въ ту кофейню, гдѣ имѣла обыкновеніе собираться учащаяся молодежь. Тамъ сейчасъ же вышло столкновение и завязалась драка. Студентовъ было немного и они, конечно, сильно пострадали въ этой неравной дракѣ.

Когда вѣсть объ этомъ облетѣла городъ, она вызвала вездѣ живѣйшее негодованіе. Никто уже не думалъ удерживать молодежь, которая рвалась отомстить истиннымъ виновникамъ безобразнаго побоища.

На другой день отряды вооруженной молодежи ожидали дворянъ на дорогѣ въ собраніе штатовъ. На улицахъ Ренна завязался настоящій бой, въ результатъ котораго дворяне съ большими уронами принуждены были отступить и забаррикадироваться въ помѣщеніи штатовъ.

Вѣсть объ этомъ столкновеніи облетѣла всю страну и вызвала сильнѣйшее волненіе среди буржуазіи. Въ ближайшихъ городахъ, въ Нантѣ, въ Анжерѣ состоялись многочисленныя собранія молодежи, на которыхъ было рѣшено идти на помощь Реннскимъ гражданамъ.

„Вѣсть объ убійствахъ въ Реннѣ,—писалось въ постановленіи Нантской молодежи,—привела насъ въ содроганіе: общій крикъ мести объединилъ насъ... потому мы въ сознаніи своей силы, желая разбить послѣднее звено сковывающей насъ цѣпи, рѣшили послать вамъ достаточное подкрѣпленіе, чтобы устрашить представителей аристократіи“.

Въ Анжерѣ, въ соседней провинціи Анжу состоялось аналогич-

ное рѣшеніе, къ которому присоединились также Анжерскія женщины. „Мы заявляемъ,—такъ заканчивали онѣ свое постановленіе,—что мы скорѣе погибнемъ всѣ, чѣмъ покинемъ нашихъ сыновей, мужей, братьевъ и любовниковъ,—честь дѣлать съ ними опасности мы предпочитаемъ позорному бездѣйствію и безопасности.“

Такъ отзывалась страна на первые звуки начинающейся борьбы между третьимъ сословіемъ и аристократіей. Со всѣхъ сторонъ къ Ренну шли подкрѣпленія, а дворянство между тѣмъ все отсиживалось въ зданіи Штатовъ, не желая признать себя побѣжденнымъ и оставить позицію. Наконецъ, нашли необходимымъ вмѣшаться представители центральной власти, до сихъ поръ державшіеся уклончиво. Опасаясь кровопролитныхъ столкновеній, исходъ которыхъ не трудно было предвидѣть, королевскіе комиссары стали уговаривать дворянъ уступить и закрыть совсѣмъ засѣданія провинціальныхъ Штатовъ. Но дворяне упорствовали до тѣхъ поръ, пока комендантъ вызвалъ войска и сдѣлалъ видъ, что хочетъ употребить противъ нихъ оружіе. Только тогда, уступая насилию, они очистили зданіе и разбѣжались по своимъ жилищамъ. Такъ въ первый разъ третье сословіе скрестило оружіе съ дворянствомъ и одержало побѣду надъ нимъ.

Съ этихъ поръ скрытый антагонизмъ этихъ сословій превращается въ открытую борьбу, которая длится во весь періодъ выборной кампаніи, еще болѣе обостряется въ Генеральныхъ Штатахъ и приводитъ къ полной побѣдѣ третьяго сословія т. е. народа и надъ старымъ режимомъ, и надъ привилегированными. Въ разгаръ борьбы противники совершенно забываютъ недавнее прошлое, когда они шли рука объ руку. А если они вспоминаютъ о немъ, оно представляется имъ сплошнымъ недоразумѣніемъ.

Обѣ стороны упрекаютъ другъ друга въ неискренности и лицемеріи. Политическіе вожди третьяго сословія винятъ парламенты и штаты въ непослѣдовательности и предательствѣ, а народъ въ слѣпотѣ и легкомысліи.

Другая сторона въ свою очередь обвиняетъ народъ тоже въ легкомысліи и неблагодарности.

Между тѣмъ во всѣхъ этихъ событіяхъ именно французскій народъ выказалъ чуткость и истинную политическую мудрость. Онъ ясно видѣлъ свою ближайшую цѣль и съ безошибочнымъ инстинктомъ опредѣлялъ въ каждый данный моментъ, кто его союзникъ и кто врагъ. Пока высшія сословія дѣйствовали въ томъ направленіи, которое согласовалось съ общенациональными интересами, они чувствовали за собою извѣстную поддержку. Какъ только они спрятали общенациональное знамя свободы и подмѣнили его своимъ сословнымъ значкомъ, народъ отрѣзалъ себя отъ нихъ и вступилъ въ борьбу съ ними.

Это было и справедливо, и послѣдовательно.